

INSPIRIA

ОТ ПЛОТИ И КРОВИ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НОВЫЙ МИР

НОРА
РОБЕРТС

INSPIRIA

Нора Робертс

От плоти и крови

Серия «Universon. Перекресток миров»

Серия «Хроники Избранной», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65809589

От плоти и крови / Нора Робертс: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-156142-0

Аннотация

Продолжение романа "Год первый", абсолютного бестселлера New York Times

Она – Фэллон Свифт. Дочь Туат Де Данан. Она принадлежит свету и мечу, лесам и болотам, равнинам и холмам, городам и деревням. Она – все, кто был до нее и все, кто придет позже. Она – Избранная.

Но пока Фэллон только тринадцать лет, и она едва ли знает мир своих родителей – мир, населенный миллиардами людей, мир без магии, мир, в котором города не лежат в руинах. Зато ей прекрасно известно, сколь опасен тот мир, который привычен ей самой – мир, в котором можно встретить фей, эльфов и оборотней, мир, в котором рыщут банды мародеров и религиозные фанатики. На таких, как Фэллон, обладающих даром, ведется охота, и все ближе время, когда истинную природу

девушки уже невозможно будет скрывать. Когда Избранной придется принять меч и щит и вступить в битву, предначертанную века назад. Ведь пока Фэллон не станет той, кем была рождена, этот мир не обретет целостность.

Содержание

Выбор	6
Пролог	6
Глава 1	26
Глава 2	49
Глава 3	71
Глава 4	96
Глава 5	118
Обучение	144
Глава 6	144
Глава 7	166
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Нора Робертс

От плоти и крови

Nora Roberts

Chronicles of the one, #2: Of blood and bone

Copyright © Nora Roberts, 2018

© Бурдова О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

Кайле, которая становится все умнее и сильнее

Выбор

*Так роскошь превратится в тлен,
Так близок к людям бог.
Где Долг прошепчет: вынужден,
Там Юность крикнет: смог!*

«Свобода выбора», Ральф Уолдо Эмерсон¹

Пролог

Говорили, что конец света наступил из-за вируса. Но мрак воцарился из-за магии, темной, как безлунная ночь. Заражение было всего лишь оружием, пущенной стрелой, просвистевшей пулей, зазубренным лезвием. Как ни странно, распространили Приговор ни о чем не подозревавшие люди, простым прикосновением и поцелуем матери принесли внезапную, болезненную, ужасную смерть миллиардам.

Многие из тех, кто выжил после первой волны пандемии, покончили с собой или погибли от чужой руки, пока мир задышался в сжимавшихся тисках безумия, горя и страха. Другие умерли от истощения, не сумев найти убежище, еду, чи-

---

¹ Ральф Уолдо Эмерсон (англ. Ralph Waldo Emerson; 1803–1882 гг) – американский эссеист, поэт, философ. (Здесь и далее прим. пер.).

стую воду и медикаменты. Помощь, на которую надеялись, так и не пришла.

Позвоночник технологий был сломан, породив тишину и темноту. Правительства оказались свержены с пьедесталов власти.

Приговор не оставил места для демократий, диктатур, парламентов и королевств. Вирус поражал президентов и крестьян без разбора.

Но из мглы появился свет, дремавший несколько сотен лет. Хаос породил волну магии, как светлой, так и темной. И пробудившиеся силы предложили людям выбор между добром и злом, между светом и тьмой.

Некоторые всегда выбирают тьму.

Уникумы и выжившие счастливчики разделили обломки прежнего мира. Принявшие сторону зла – как сверхъестественные существа, так и люди – нанесли удары по большим городам, превратив их в руины. А после этого принялись охотиться за непокорными и безмолвствующими, уничтожая, поработывая все и вся на пути, купаясь в крови жертв, пока тела не покрыли землю.

Оставшиеся у власти чиновники в ужасе приказали военным силам провести зачистку среди гражданского населения, чтобы «сдержать» бесчинства Уникумов. После чего на столах лабораторий забились дети с крыльями, принесенные на кровавый алтарь науки.

Безумцы и фанатики призывали бога, объявляли правед-

ные крестовые походы против тех, кто отличался от остальных, и распространяли страх и ненависть, чтобы пополнить собственные ряды. Они кричали, что магия – происки дьявола и все его порождения следует отправить обратно в ад.

Мародеры наводнили разрушенные города, главные и второстепенные дороги, сжигая и убивая ради удовольствия. Им подобные во все времена находили способы выместить свою жестокость на других.

Кто мог остановить их в сломанном, уничтоженном мире?

С обеих сторон баррикад доносились слухи – когда с надеждой, а когда и с недоверием – о появлении воительницы. О дочери Туат Де Дананн, которая будет скрыта от посторонних глаз до тех пор, пока не обретет меч и щит. О той, кто поведет свет войной на тьму.

Но месяцы превращались в годы, а мир оставался сломанным и уничтоженным. Никто не мог помешать набегам, преследованиям и зачисткам населения.

Некоторые прятались в укромных местах, выбираясь наружу лишь по ночам, чтобы достать еду или украсть припасы, только бы протянуть еще один день. Другие проводили все время в пути, не останавливаясь нигде подолгу. Кто-то предпочитал таиться в лесах, добывая пропитание охотой, либо селиться обособленно и обрабатывать землю. Иные же собирались в сообщества, которые с переменным успехом боролись за выживание в мире, где горсть соли ценилась выше золота.

И лишь немногие сумели создать процветающую общину и начать строить мир заново. Такими были жители Нью-Хоуп.

Когда наступил конец света, Арлис Райд в прямом эфире вела вещание, рассказывая людям о происходящем. Заметив, что любимый город постепенно превращается в поле сражения, она сделала свой выбор и решила поведать всю правду тем, кто еще следил за выпусками новостей, а затем покинула Нью-Йорк.

Она видела множество смертей и сама убивала, чтобы выжить.

Она видела ужасы и чудеса.

Она вместе с группой беглецов, включавшей трех младенцев, наконец обнаружила заброшенный городок, который они окрестили Нью-Хоуп – Новой Надеждой. И в котором остались жить.

Теперь, на четвертый год после Приговора, поселение стало домом для более чем трехсот человек. Здесь имелись две школы – обычная и магическая, органы самоуправления, включая мэра, городской совет и полицию, а также общественная столовая, две фермы, мельница и огороды, больница со стоматологическим отделением, библиотека, оружейная и добровольческие отряды.

В общине были врачи, целители, травники, пряжи, ткачи, механики, плотники, сантехники и повара. Некоторые освоили профессии еще до пандемии и зарабатывали этим на

жизнь в прежнем мире. Но большинство училось всему заново.

Также в городе заботились об обеспечении безопасности. Вооруженные посты находились по всему периметру, и добровольные охранники посменно несли круглосуточную вахту. А большинство жителей занимались боевой подготовкой на случай внезапного нападения.

Резня, которая произошла в первый год после образования поселения, оставила глубокий след в сердцах людей. Этот след и души погибших призывали к действию. Поэтому вскоре были организованы добровольческие отряды, которые участвовали в рейдах по освобождению пленников и рисковали своими жизнями, чтобы спасти чужие.

Арлис стояла на тротуаре, глядя на улицы Нью-Хоуп, и понимала, почему это было так важно. Почему все это было так важно. Важнее, чем просто выживание в те первые ужасные месяцы, и даже важнее, чем создание нового общества в месяцы, что последовали за ними.

В этом была жизнь. И – как в названии самого города – надежда.

Только благодаря их усилиям Лорел, женщина с эльфийской кровью, сейчас подметала крыльцо дома, в котором жила. А чуть дальше по улице Билл Андерсон протирал витрину магазинчика с десятками полезных товаров, готовых к обмену на не менее полезные услуги.

Фред, рыжеволосая стажерка, которая вместе с Арлис

прошла через наполненные ужасами тоннели Нью-Йорка, сейчас наверняка трудилась в общественном огороде. Фея, обладающая крыльями и бесконечным запасом оптимизма, каждый день встречала с надеждой.

Рейчел – главный врач города и хорошая, просто замечательная подруга – выглянула из открытых дверей больницы и помахала погруженной в мысли журналистке.

– А где ребенок? – спросила та.

– Спит, если только Джонас не забрал его, как только я отвернулась. Такое ощущение, что он никак не может налюбоваться.

– Как и положено молодому отцу. Эй, а разве тебе сегодня не полагается проходить осмотр? Ведь прошел целый месяц после родов. Знаменательное событие!

– Это точно! Главный врач уже осмотрел пациента и дал добро. Но Рей обязательно заглянет, чтобы все было официально. Кстати, у тебя сегодня тоже важная дата. Как ты себя чувствуешь?

– Отлично. Вся в ожидании. Только немного волнуюсь.

– Буду на связи. И обязательно зайди, когда закончишь.

– Непременно! – улыбнулась Арлис и погладила огромный живот. – Чувствую, что ребенок уже готов родиться. Еще немного – и я просто не смогу передвигаться, даже вразвалку.

– Все будет хорошо. Доброе утро, Кларис, – кивнула Рейчел первому пациенту за день. – Проходи. А тебе удачи, Ар-

лис. Рация всегда при мне.

Арлис с трудом заковыляла – иначе ее перемещение называть было сложно – по тротуару, но вскоре услышала, как ее зовут, и остановилась, дожидаясь Уилла Андерсона, который в детстве был ее соседом, а теперь оказался любовью всей ее жизни.

Действующий помощник шерифа подошел к жене, поцеловал ее и положил ладонь на ее живот.

– Проводить тебя до работы?

– Давай.

– Не против, если я задержусь и понаблюдаю за процессом? – спросил Уилл, беря Арлис за руку и направляясь в сторону дома, где он жил в первые месяцы после прибытия в город.

– Как хочешь. Но я и сама не знаю, сколько времени займет подготовка. Прогнозы Чака оптимистичны, однако...

– Если этот умник утверждает, что все получится, так оно и есть.

– Не буду спорить, – выдохнула Арлис, почувствовав, как пинается малыш.

Когда разразилась пандемия, Чак анонимно поставлял ей сведения. Сейчас хакер и компьютерный гений заведовал всем технологическим сектором Нью-Хоуп. Из подвала, само собой.

– Хочу посмотреть, как ты работаешь, – добавил Уилл.

– А как ты называешь то, что я делаю дома с «Вестником

Нью-Хоуп»?

– Дар обществу, – рассмеялся муж. – Но мы сейчас говорим об организации прямого вещания, детка. Это – твоё призвание.

– Я знаю, что многие горожане переживают из-за риска привлечь внимание. Ненужное внимание.

– Но это того стоит. Да и Чак знает, что делает. А ещё мы используем магическую защиту. Если получится достучаться хоть до одного человека во внешнем мире, новость распространится на сотни. Если же удастся связаться с сотней, то кто знает... Некоторые выжившие до сих пор не представляют, что творится вокруг, куда обратиться за помощью, где достать лекарства. Так что твой прямой эфир крайне важен для них.

Для неё же самой крайне важен был тот факт, что Уилл тоже рисковал жизнью каждый раз, когда отправлялся на спасательную операцию.

– Ты знаешь, я как раз недавно размышляла о том, что по-настоящему важно. – Арлис остановилась перед домом и повернулась к спутнику. – И ты возглавлял список.

Они обогнули дом и подошли к двери в подвал.

Внутри, там, где раньше была большая гостиная, теперь находилась мечта любого компьютерного гика, если он, конечно, мечтал кое-как собрать детали, кабели, жесткие диски, материнские платы, выпотрошить старые системные блоки, перенастроить стационарные компьютеры и ноутбуки и

развесить разнообразные экраны.

Скорее всего, Чак мечтал именно об этом.

Он сидел за одной из клавиатур в толстовке, свободных штанах и кепке козырьком назад. Его волосы недавно были выкрашены в белый цвет местным парикмахером. Он же придал заостренной бородке ярко-красный цвет.

Составляя приятелю компанию, Фред щеголяла рыжими кудрями, которые подпрыгивали всякий раз, как она поворачивала голову.

– Перед вами настоящий талант! – с улыбкой похвасталась фея, выбираясь из груды игрушек, где она сидела с тремя четырехлетними малышами. – Я одновременно исполняю обязанности режиссера, помощника оператора и посыльного.

– Мне казалось, что посыльным работала я, – встрепенулась Кэти, мать детей, которая следила за ними с дивана, где частенько ночевал Чак.

– Вторым посыльным, – поправилась Фред. – А еще начальником наших энергоусилителей.

– Они очень рады, кстати, – сообщила Кэти, поглядывая на близнецов. – Надеюсь, они – как и все остальные – знают, что мы делаем.

– Запускаем кино для Арлис и Чака, – сказал Дункан, улыбаясь матери во весь рот. – Мы с Тоней!

– Давай! – тут же воскликнула Антония и потянулась к брату.

Они сомкнули ладони, и свет немедленно начал мигать.

– Еще рано. – Ханна, светловолосая малышка, так отличающаяся от темноволосых Дункана и Антонии, встала, успокаивающе похлопала мать по ноге и подошла к Арлис. – Когда появится ребенок?

– Скоро. Я надеюсь.

– Можно мне посмотреть?

– Э-э...

– Скорее всего, ей это действительно интересно, – рассмеялась Кэти, подхватила дочь на руки и поцеловала в щеку.

– Не знаю насчет родов, – заявил Чак, лихо разворачиваясь к ним на кресле, – но ты сейчас увидишь исторический момент: первое вещание Нью-Хоуп.

– Все готово? – с трепетом поинтересовалась Арлис.

– Все готово, – отсалютовал ей хакер и широко ухмыльнулся. – Можно начинать. С помощью наших энергоусилителей, конечно.

Близнецы подпрыгнули, их глаза радостно заблестели.

– Дайте мне пару минут. – На этот раз брата с сестрой удержала Арлис. – Хочу пробежаться по заметкам и... сделать еще кое-что.

– Мы подождем, – заверил ее Чак.

– Хорошо, э-э, я быстро.

Арлис вышла наружу, чувствуя непривычное волнение, и принялась листать блокнот с записями. Следом выскользнула Фред.

– Ты не должна нервничать.

– Боже, ты меня напугала!

– Я серьезно, Арлис. Ты создана для этой работы. И всегда отлично с ней справлялась.

– В Нью-Йорке я получила место ведущей только потому, что все остальные умерли.

– Нет, из-за этого ты получила место ведущей именно в тот момент, – поправила Фред. – Но оно все равно стало бы твоим, рано или поздно. – Она приблизилась к подруге и положила руки ей на плечи. – Помнишь, что произошло в последний день на студии?

– Мне до сих пор снятся кошмары об этом.

– Когда Боб направил на тебя пистолет в прямом эфире, ты даже не дрогнула, – продолжила Фред. – А дальше как ты поступила, когда он покончил с собой, забрызгав кровью все вокруг? Ты не просто сохранила спокойствие, но и прямо в камеру рассказала всю правду. При этом не глядя в записи, без текста телесуфлера. Потому что это твое призвание. Нести истину и свет. Именно так тебе и следует поступить сейчас.

– Даже не знаю, почему я так нервничаю.

– Может, из-за гормонов?

– Может быть. – Арлис погладила живот и рассмеялась. – Или из-за гормонов в сочетании с геморроем и одышкой. Выносить ребенка – настоящее испытание.

– Жду не дождусь, когда приступлю к прохождению собственного испытания, – вздохнула Фред и кинула тоскливый

взгляд на сад возле дома. – Я хочу миллион детей!

Арлис же надеялась, что благополучно родит хотя бы одного и желательно побыстрее.

Но прямо сейчас ее ждала работа.

– Хорошо. Хорошо. Как я выгляжу?

– Потрясающе. Но раз сегодня я еще и твой визажист, позволь мне нанести макияж. Думаю, пудры и помады достаточно, чтобы закончить твой образ.

– Я люблю тебя, Фред. Сильно-сильно.

– И я тебя люблю. Сильно-сильно.

Арлис подставила подруге лицо, вполголоса бормоча скороговорки, затем глотнула воды и сделала дыхательные упражнения, чтобы успокоиться.

Когда девушки вернулись в подвал, на диване уже сидел Билл Андерсон, окруженный детьми, которых он притягивал, словно магнит.

– А кто остался в магазине? – спросила свекра Арлис.

– Закрывл его на час. Хочу лично посмотреть, как моя дорогая девочка ведет прямое вещание. Твои родные сейчас гордились бы тобой. Отец, мать, Тео. Они бы очень гордились.

– Считай, что это место ведущего, – сказал Чак, похлопав по креслу перед одним из многочисленных столов. – Смотри в эту камеру. Я настроил ее. То, что мы сейчас провернем, мальчишки и девочки, это е... гребаная синхронная трансляция! Вещание пойдет одновременно по радио, в сеть и на

кабельное телевидение. Мне придется наблюдать за тобой и заниматься собственными делами. Но не обращай внимания на парня за кулисами. Сцена сегодня принадлежит тебе, Арлис.

– Хорошо. – Она села и подстроила под себя кресло. Затем достала из папки фотографию, сделанную в последнее Рождество, которое она провела с семьей, и поместила снимок перед клавиатурой. – Я готова начинать.

– Фред проведет обратный отсчет. А потом мы с детишками всех взорвем!

– Пожалуйста, не говори «взорвем»! – всплеснула руками Кэти. – Ты не представляешь, что может случиться.

– Запускаем! – радостно запищала Тоня. – Теперь давай, Дункан!

– Даю, – ухмыльнулся тот сестре, они соединили ладони, и между пальцев тут же засиял свет.

– Именно об этом я и говорил! – воскликнул Чак и принялся метаться от монитора к монитору, нажимая клавиши, а потом испустил довольный вопль: – И-и, поехали! Сейчас!

– Через пять, – встав напротив ведущей, Фред ослепительно улыбнулась, – четыре...

Заканчивая отсчет, она показала последние секунды на пальцах и напоследок взмахнула рукой.

– Доброе утро. Вас приветствует Арлис Райд. Не знаю, сколько человек меня сейчас слышат или видят, но прошу всех передать новости остальным. Я продолжу выходить в

эфир так часто, как это возможно, чтобы рассказывать о происходящем в мире. И помните: вы не одиноки, где бы ни находились.

Журналистка глубоко вдохнула и прижала ладони к животу, после чего продолжила:

– Спустя четыре года после начала распространения Приговора источники подтверждают, что обстановка в Вашингтоне, штат Колумбия, остается нестабильной. В столице и прилегающих областях по-прежнему действует военное положение. Однако банды, известные как Мародеры и Темные Уникумы, не сдаются и наносят ответные удары. Силы сопротивления вырвались из охраняемых зон центра по сдерживанию заражения в Арлингтоне, штат Вирджиния. Согласно подсчету очевидца на свободе оказались более тридцати человек.

Арлис говорила на протяжении сорока двух минут, сообщая о бомбардировках в Хьюстоне, о нападениях Праведных воинов на поселение в Гринбелте, штат Мэриленд, о поджогах и грабежах.

Но закончила трансляцию она историями о проявлениях человечности, доброты и мужества. О больнице на колесах, которая размещалась в фургоне и на лошадях добиралась до самых отдаленных убежищ и лагерей, об отрядах спасения, об организации хранилищ с запасами еды, доступных для всех.

– Оставайтесь в безопасности, – в заключение сказала ве-

душая, – но помните – этого недостаточно. Живите, работайте, собирайтесь вместе. И если у вас есть новости или сообщение для потерявшихся родных и близких, то дайте мне знать, чтобы я рассказала всем остальным. Вы не одиноки в этом мире. С вами была Арлис Райд с трансляцией из Нью-Хоуп.

– И-и, снято! – Чак подскочил, триумфально вскидывая кулак. – Пятерочка, бля!

– Пятерочка, бля, – повторил Дункан.

– Ой. – Ничуть не смущенный хакер подошел к близнецам и протянул им кулак, не обращая внимания на закатившую глаза Кэти. – Эй, вы зачетно справились, детишки! Давайте кулаки. – Тоня с Дунканом склонили друг к другу головы, стучая своими маленькими кулачками о кулак Чака, посылая голубоватые разряды. – Ого! – Хакер запрыгал по подвалу, дуя на костяшки. – Прямо искры из глаз. Круто!

– Это действительно было на пятерочку, и все такое. – На глазах Фред блестели слезы. – Потрясающе!

– Ты меня поразила, – прошептал Уилл, наклоняясь, чтобы поцеловать жену в висок.

– Я чувствовала себя на своем месте, – отозвалась она. – Стоило преодолеть барьер, как охватило ощущение правильности происходящего. Долго шел эфир?

– Сорок две самые невероятные минуты на свете.

– Сорок две? – переспросила Арлис и крутанулась на кресле, поворачиваясь к Кэти. – Прости, я потеряла счет вре-

мени. Нельзя было так переутомлять близнецов.

– Они в полном порядке. Я следила за их состоянием, – заверила Кэти. – Просто отдохнут чуть дольше. – Она взглянула на Ханну, которая свернулась калачиком на коленях Билла. – Отправятся спать прямо сейчас по примеру сестры. Кстати, ты кажешься бледной. Идика тоже в постель. Наверняка потребовалось немало сил, чтобы провести эфир.

– Вообще-то, почти в самом начале трансляции я почувствовала схватки. Думаю, из-за стресса.

– Ты... что? Сейчас?

– Мне кажется, пора навестить Рейчел. – Арлис ухватила за Уилла. – И... А-а!

Она вцепилась свободной рукой в стол, а другой сжала пальцы мужа с такой силой, что он тоже вскрикнул.

– Дыши, – велела подруге Кэти, торопливо подходя и принимаясь кругами поглаживать ее живот, твердый, как камень. – Помнишь, как на занятиях?

– К черту занятия! – простонала Арлис. – Тогда не было так больно.

– Дыши, – спокойно повторила Кэти. – Ты только что успешно провела синхронную трансляцию, так что уж пережить схватки точно сумеешь.

– Становится легче.

– Слава богу, – пробормотал Уилл, разминая пострадавшие пальцы. – Ай, больно.

– Поверь, твоя боль по сравнению с моей – цветочки, –

выдохнула Арлис. – Мне срочно нужна Рейчел.

– И мне, – кивнул Уилл, помогая жене подняться. – Медленно, осторожно. Пап?

– У меня будет внук.

– Иди с ними, – предложила Кэти, забирая Ханну у Билла.

– У меня будет внук, – ошеломленно повторил тот.

– Фред? – оглянулась Арлис. – Ты идешь?

– Правда? Можно? О боже! Я полечу вперед и предупрежу Рейчел. О боже! Чак, ты с нами?

– Нет, благодарю. Без обид, подруга, но ни за что, не-а.

– Никаких обид, – усмехнулась Арлис.

– Скоро появится очаровательный младенец! – пропела Фред, расправляя крылья и выпархивая из подвала.

– Он уже просится наружу, – пробормотал Дункан, провозжая взрослых к двери.

– Он? – переспросила Кэти, перекладывая Ханну.

– Ага, – кивнула Тоня, подходя к брату. – А как он там оказался?

– Расскажу когда-нибудь потом, – пообещала ей мать. – А сейчас пора домой, отдохнуть. Отличная работа, Чак.

– Лучшая работа из всех, что мне удавались!

* * *

В течение следующих восьми часов Арлис узнала несколько вещей. Во-первых, схватки имели неприятное

свойство учащаться, длиться намного дольше и становиться гораздо большее по мере приближения родов. Во-вторых, как и следовало ожидать, Фред умела сохранять оптимизм даже в присутствии матерящейся подружки. В-третьих – тоже ничего удивительного, – Уилл переносил все испытания стойко, как скала.

Ким и По, которые отправлялись с ноутбуком как можно дальше, передали новости, послужившие приятным отвлечением: трансляция успешно ловилась даже за двадцать миль от города.

А еще Арлис в полной мере поняла, с какого хрена схватки называются схватками.

Однажды она даже разрыдалась.

– Потерпи, детка, осталось еще немного, – принялся утешать жену Уилл, присаживаясь рядом и обнимая за плечи.

– Я не из-за родов, – всхлипнула она. – Лана. Я подумала о Лане. Боже, ей пришлось проходить через все это одной. Без Макса, без Рейчел, без нас. Представь, рожать в полном одиночестве.

– Думаю, она была не одна, – тихо сказала Фред, глядя Арлис по руке. – Почти уверена в этом. Многие из нас чувствовали в ту ночь, когда родилась Избранная, что вокруг находились любящие люди.

– Правда?

– Клянусь именем матери.

– Ну хорошо. – Когда Уилл утер ее слезы, Арлис выдавила

улыбку. – Значит, осталось уже немного?

– Твой муж прав, – кивнула Рейчел. – Когда будет следующая схватка – тужься. А ты, Уилл, придерживай ее за плечи со спины. Давайте поможем вашему малышу появиться на свет.

Арлис тужилась и пыталась отдышаться, тужилась и пыталась отдышаться. Спустя восемь часов после легендарного выпуска новостей она родила сына.

И тогда узнала кое-что еще: любовь может настигать внезапно, как удар молнии.

– Только посмотри на него, – тихо прошептала она, держа на руках извивающегося младенца. Усталость тут же исчезла, смытая волной нежности, когда Арлис взглянула на сына. – Уилл, только посмотри.

– Он прекрасен. И ты прекрасна. Боже, как же сильно я вас люблю.

– Уилл, хочешь перерезать пуповину? – спросила Рейчел, разминая затекшие плечи.

– Я... – Молодой отец нерешительно принял у нее протянутые ножницы и повернулся к Биллу, заметив, как блещут слезы у него в глазах. Он потерял любимую жену, дочь и внуков из-за Приговора. – Думаю, пусть это лучше сделает дедушка.

– Для меня это будет великой честью, – вытерев слезы под стеклами очков, ответил Билл. – Боже, я снова стал дедом.

Когда пуповина была перерезана, Фред запустила по ком-

нате десятки маленьких радуг и воскликнула:

– Я же теперь считаюсь тетей, правильно? Почетной тетей.

– Конечно, – заверила Арлис подругу, не отводя взгляда от ребенка. – Ты, Рейчел, Кэти. И все первопоселенцы Нью-Хоуп.

– Первичный осмотр говорит, что малыш здоров, – улыбаясь, сообщила врач. – Но мне нужно на пару минут забрать племянника, чтобы вытереть его, взвесить и измерить.

– Сейчас-сейчас, только дай еще немного полюбоваться, – нежно произнесла Арлис и осторожно поцеловала сына в лобик. – Привет, Тео. Тео Уильям Андерсон. Ради тебя мы постараемся сделать этот мир лучше. Сделаем все возможное. Все мы. Клянусь.

Она провела пальцем по лицу младенца, такому крошечному, такому милому. Такому родному.

«Это и есть жизнь, – подумала она. – Это и есть надежда».

Ради этого стоило жить и надеяться.

Арлис пообещала себе, что будет работать и сражаться каждый день, чтобы сдержать обещание, данное сыну.

Прижав его к груди, она снова подумала о Лане и ее ребенке.

Об Избранной, которой было предназначено спасти мир.

Глава 1

В это время Фэллон Свифт росла на ферме, где родилась, и училась сажать, выращивать и собирать урожай, а также с уважением относиться к земле. Училась тихо и незаметно передвигаться по лесу, словно тень, охотиться и рыбачить, при этом убивая не больше необходимого и никогда – только ради удовольствия.

Еще она училась готовить выращенную собственными руками пищу как на кухне, так и на костре, постепенно понимая, что еда – это нечто большее, чем просто свежие яйца из курятника или приготовленная на гриле форель. Еда означала выживание.

Фэллон училась шить, хотя ненавидела сидеть неподвижно, работая иглой. Училась дубить шкуры, пусть и считала это отвратительным занятием, а также могла прясть из шерсти, если не оставалось другого выхода. Одежда тоже не была просто способом прикрыть наготу. Она защищала тело, как доспех.

Достойная дочь военного, Фэллон с уважением относилась к оружию и с раннего возраста умела чистить ружья, точить ножи, натягивать тетиву на лук.

Она училась строить, орудовать молотком и пилой, возводить и чинить заборы, устранять мелкие поломки в старом фермерском доме, который любила так же сильно, как и лес.

Крепкое заграждение, толстые стены и крыша над головой не только служили укрытием от непогоды и были родным домом. Они тоже означали выживание.

А еще, хотя многие вещи она просто знала, Фэллон училась применять магию. Зажигать свечу силой мысли, исцелять небольшие раны внутренним светом, заглядывать в будущее. Мать объяснила дочери, хотя та и сама уже знала это, что магия – не просто дар, который нужно беречь, способности, которые нужно оттачивать, и оружие, которое нужно использовать с величайшей осторожностью.

Она была и будет средством выживания.

Но даже те, кто обладал запасами еды, убежищем, одеждой и магией, иногда погибали. И еще большему количеству людей предстояло умереть в надвигавшейся буре.

Фэллон училась понимать мир не только нынешний, но и тот, что существовал до ее рождения. Тот, где множество людей жили в огромных городах и высоких, до самого неба, зданиях. Где все работали бок о бок и беспрепятственно путешествовали по воздуху и по морю, по дорогам и рельсам. А иногда даже в космосе, добираясь до самой луны, которая висела в небе.

Вот и Лана раньше жила в большом городе, Нью-Йорке. Она рассказывала дочери истории и читала книги, описывая это место как скопление людей, шума, света и тьмы.

Фэллон поклялась, что однажды непременно посетит этот город чудес.

Она часто представляла себе Нью-Йорк, когда лежала в постели, наблюдая за танцем крохотных фей по ту сторону окна.

Теперь прежний мир погряз в войнах, фанатизме и жестокости и стал их настоящим. Фэллон знала о войнах как по историям из книг, так и по рассказам очевидцев, которые заглядывали на ферму.

Саймон, ее отец, когда-то был солдатом. Он научил дочь драться: используя руки, ноги, разум. Научил читать карты и рисовать их. Она представляла, как отправится в путешествие по изображенным местам, в глубине души точно зная, что такой день обязательно настанет.

В отличие от родителей, Фэллон не испытывала привязанности к прошлому, которое исчезло за несколько месяцев из-за Приговора, вируса, что убил миллиарды. Это взрослые были свидетелями катастрофы, падения городов, всеобщей паники и сумасшествия, расцвета темной магии. Людские жестокость и жадность до сих пор тревожили мысли и души тех, кто пережил то время.

Фэллон же заглядывала в будущее и понимала, что грядут новые катастрофы, смерти и кровопролитие. И что она станет частью всего этого. А потому она часто не могла заснуть, прижимая к груди плюшевого медведя – подарок от человека, с которым ей только предстояло встретиться.

Если тяжесть грядущего казалась слишком большой, Фэллон выскальзывала из дома, пока родители и братья спали,

и сидела снаружи, где чувствовался запах земли, животных, посевов, наблюдая за мерцающими феями, которые кружили в воздухе, как светлячки.

Но гораздо чаще она забывалась крепким сном любимого ребенка, чей пытливый разум и подвижное тело слишком уставали за день.

Иногда Фэллон снился биологический отец, мужчина, с которым ее мать жила в Нью-Йорке, мужчина, которого она любила. Мужчина, который отдал жизнь, чтобы Фэллон могла родиться.

Он был писателем, лидером и великим героем. Она носила его имя, как и имя того, кто помог ей появиться на свет, вырастил ее и научил всему. Фэллон – от Макса Фэллона, зачинателя. Свифт – от Саймона Свифта, отца.

Обе части имени казались девочке одинаково важными. В точности как два кольца, которые носила ее мать: по одному от каждого мужчины, которого любила.

И хотя Фэллон беззаветно, как умеют только дети, обожала отца, ее не оставляли мысли и о том, кто передал ей цвет волос и глаз и, в союзе с ее матерью, подарил ей способность к магии.

Она читала его книги – бесценные дары прошлого – и подолгу рассматривала фотографии на оборотах. Однажды, еще в шесть лет, она засиделась в библиотеке, с трудом разбирая непонятные слова в книге о чарошее. Герой использовал магические способности и смекалку, чтобы одолеть си-

лы зла.

В этот момент вошел отец, и чувство вины заставило Фэллон тут же спрятать увесистый томик. Однако, хоть Саймон и не обладал магией, смекалки у него было на двоих.

Он усадил дочь на колени. От него исходил невероятно притягательный аромат фермы: земли, животных, посадок.

Иногда Фэллон хотелось иметь такие же глаза, как у отца: ореховые, умеющие менять цвет от почти зеленого до почти золотого и сочетающие в себе сразу оба оттенка. Но когда она желала этого, то чувствовала себя предательницей по отношению к памяти покойного родителя.

– Отличная книга, – спустя пару минут произнес отец.

– Ты читал ее?

– Ага. Моя мама обожала книги. Поэтому и выделила для них отдельную комнату. Не нужно от меня что-то прятать, малышка. Ничего не нужно прятать.

– Потому что ты мой самый любимый на свете папочка! – воскликнула Фэллон и спрятала лицо у него на груди. Его сердце билось ровно и сильно: тук-тук-тук. – Ты мой настоящий отец.

– Так и есть. Но я бы им не стал, если бы им не был и Макс Фэллон. – Саймон осторожно взял у дочери книгу и перевернул ее, чтобы они оба могли видеть фотографию привлекательного темноволосого мужчины с пронизательными серыми глазами. – У меня бы никогда не появилось тебя, если бы они с твоей матерью не полюбили друг друга. Если бы

он не любил вас обеих так сильно, что отдал собственную жизнь, защищая вас. Это был очень смелый поступок. Так что я обязан Максу всем. И крайне ему благодарен.

– Мама любит тебя.

– Да, верно. Мне очень повезло. Она любит меня, тебя, Колина и Трэвиса.

– И нового ребенка, который только появится.

– Точно.

– И опять это не девочка, – печально вздохнула Фэллон.

– Серьезно?

– Она опять ждет мальчишку. Почему она никак не подарит мне сестренку? Почему у нее получаются только братья?

– Вообще-то, это должно быть моей работой. Думаю, так оно и есть. – Она услышала глубокий смех в груди, к которой прижималась. Затем почувствовала нежное прикосновение к волосам. – Значит, придется тебе остаться моей любимой дочерью. Ты сказала матери, что она ждет мальчика?

– Она не хочет знать. Предпочитает гадать.

– Тогда я тоже не скажу, – пообещал Саймон, глядя длинные черные пряди Фэллон, а потом наклонился и поцеловал ее в макушку.

– Папа?

– М-м?

– Я не понимаю некоторые слова в книге. Они слишком сложные.

– Давай я прочитаю первую главу вслух, а затем мы вер-

немся к делам по хозяйству.

Он пересадил дочь поудобнее, открыл книгу на первой странице и начал читать.

Она не знала, что «Король чародеев» был первым романом Макса Фэллона. Хотя, может, в глубине души и знала. Но навсегда запомнила бесценные мгновения, когда отец читал ей вслух главу за главой каждую ночь перед сном.

* * *

И Фэллон продолжала учиться. Доброте у отца, щедрости у матери. Любви, свету и уважению – у дома, семьи и самой жизни, что была ей дарована.

Она узнавала о тяготах войны и боли утраты от путников, которые нередко забредали на ферму или в соседний поселок. Большинство из них были ранены.

Также Фэллон все больше узнавала о политике, но считала ее скучной, потому что люди говорили слишком много, а делали слишком мало. Да и кому нужна эта политика, если, судя по новостям, правительство – не слишком ясное слово для Фэллон – начало восстанавливаться на третий год после Приговора, только чтобы вновь рассыпаться прежде, чем закончился пятый?

Сейчас, на двенадцатом году после Приговора, столица Соединенных Штатов Америки – название забавляло Фэллон, ведь штаты давно перестали быть соединенными – пре-

вратилась в зону боевых действий. Банды Мародеров, группы Темных Уникумов и приверженцы культа Праведных воинов сражались ради власти, ради территории, ради запаха крови. Сражались друг с другом и со всеми, кто стремился управлять и властвовать.

Несмотря на стремление к миру и покою, несмотря на желание лишь строить и выращивать, Фэллон понимала необходимость будущих битв и долг сражаться, чтобы защищать и отстаивать. Много раз она видела, как отец берет оружие и уходит с фермы, чтобы защитить соседа или помочь отстаивать поселение. И много раз видела выражение его лица после возвращения, мрачный взгляд ореховых глаз, без слов говорящий, что пролилась кровь, что кого-то настигла смерть.

Она училась драться, защищать себя и других. И братья учились тому же. Пока ферма нежилась в лучах летнего солнца, посевы росли, а фрукты наливались соком, пока леса кишели дичью, вдалеке гремели сражения и велись войны.

И минуты, часы, месяцы и годы беззаботного детства неминуемо подходили к концу.

Она была Избранной.

Иногда, когда братья окончательно доводили Фэллон – и почему только у нее было столько братьев? – мать не понимала простейших вещей, а отец требовал слишком многого, ей даже хотелось, чтобы время ожидания наконец закончилось.

Иногда же неминуемая судьба заставляла девочку кипеть

от гнева. Почему у нее нет права выбора? Она мечтала вечно охотиться и рыбачить, скакать на лошади и бегать по лесу с собаками. Или даже с братьями.

Но чаще всего Фэллон грустила от горького осознания: нечто вне ее понимания, вне понимания ее родителей требовало развиваться, чтобы исполнить высшее предназначение. Грустила от мысли, что рано или поздно придется покинуть дом и семью.

Она выросла высокой и сильной, свет в ее душе сиял ослепительно ярко. Но мысль о грядущем тринадцатилетии наполняла девочку ужасом.

Она размышляла об этом – обо всех несправедливостях в ее мире и обо всех несправедливостях в мире вокруг нее, – пока помогала матери с ужином.

– Сегодня вечером разразится сильная буря, я это чувствую, – сказала Лана, собирая светло-карамельные волосы в пучок, как всегда поступала перед приготовлением еды. – Но пока погода стоит такая чудесная, следует накрыть стол во дворе. Живее, слей картофель, который бланшируется на плите.

– Почему готовишь всегда ты? – проворчала Фэллон, выполняя поручение матери.

– Твой отец сегодня занимается грилем, – напомнила та, встряхивая закрытую миску, где мариновались колечки перца из свежего урожая.

– Но ты делаешь все остальное. – Почувствовав, как к гор-

лу подкатывает ком, Фэллон перевернула кастрюлю с картофелем в дуршлаг над раковиной. – Почему бы папе, или Колину, или Трэвису хоть раз не приготовить еду самостоятельно?

– Они помогают, как и ты. И Итан тоже понемногу учится. Но ответ на твой вопрос: потому что я люблю готовить. Особенно для семьи.

– А если мне это не нравится? – Фэллон резко обернулась, высокая и длинноногая, с вызывающим выражением лица и глазами темно-серыми, как небо перед бурей. – Если я ненавижу готовить? Почему все равно должна делать то, чего не хочу?

– Потому что нам всем приходится выполнять обязанности по дому. К счастью, на следующей неделе наступит твоя очередь убираться, а на кухне мне будет помогать Колин. Пока же приправь картофель, чтобы подать к столу. Я уже нарезала зелень.

– Поняла, – буркнула Фэллон, привычным жестом поливая блюдо оливковым маслом и посыпая солью, перцем и приправами.

Все это богатство имелось на столе Свифтов благодаря усилиям Ланы. Она и ведьма с соседней фермы выбрали три акра земли и превратили их в тропики. Посадили оливковые деревья, перец, бананы и кофе. А еще инжир и финики.

Отец с несколькими помощниками из поселения соорудили пресс для отжима масла и сушилку для фруктов.

Когда все работали вместе, каждый получал по заслугам, каждый что-то выигрывал. Фэллон прекрасно это знала. Но все равно дулась.

– Отнеси пока это во двор и скажи отцу, чтобы начинал готовить курицу, – велела Лана, проследила, как недовольная дочь нарочито громко топает, выходя из кухни, и подумала, что надвигающаяся буря явится не одна.

Вскоре вся семья Свифт устроилась за большим столом, который соорудил Саймон. Украшением трапезы служили яркие разноцветные тарелки, голубые салфетки и вазочки с полевыми цветами.

Лана считала, что красиво накрытый стол не менее важен, чем вкусная еда, и в этот раз позволила Итану зажечь свечи силой мысли, потому что он чрезвычайно гордился этим умением. Фэллон плюхнулась рядом с младшим братом, которого считала более приятной компанией, чем Колин и Трэвис. Хотя ему пока было всего шесть лет. Все еще впереди.

Саймон занял свое место, потряхнув выгоревшими на солнце каштановыми волосами, и улыбнулся жене.

– Выглядит великолепно, милая.

– Все похвалы сегодня отправляются к повелителю гриля, – подмигнула она в ответ, поднимая бокал с вином, сделанным из их собственного винограда. – Возблагодарим судьбу, – Лана бросила косой взгляд на дочь, – за еду, выращенную и приготовленную своими руками. Надеюсь, однажды наступит день, когда никто не останется голодным.

– Я голоден! – заявил Колин.

– Тогда будь благодарен, что на столе уже стоит ужин, – сказала Лана, кладя на тарелку старшему сыну куриную ножку – его любимое блюдо.

– Я помогал папе с грилем, – похвастался Колин, добавляя к курице картофель, овощи и початок вареной кукурузы. – А значит, не должен сегодня мыть посуду.

– Дежурство работает не так, сын, – наставительно произнес Саймон, протягивая Трэвису хлеб, пока Лана отрезала Итану кусок грудки.

Колин тем временем вонзил зубы в куриную ножку. У него были отцовские, зеленые с золотом, глаза и выгоревшие волосы на несколько оттенков темнее, чем у матери. Непослушные вихры, как обычно, торчали во все стороны, отказываясь укладываться в прическу.

– А еще я собрал кукурузу.

– Мы вместе ее собирали. – Трэвис ткнул брата локтем, не отрываясь от еды.

– Несущественно.

– Несущественно, – поправил Саймон. – И ты не прав, это важно.

– Я собрал большую часть кукурузы. Вот что важно.

– Тогда я бы предложила съесть ее, вместо того чтобы пытаться – неудачно, надо заметить, – откреститься от мытья посуды, – сказала Лана, поливая початок Итана маслом.

– В свободном обществе каждый имеет право голоса.

– Жаль, что мы живем в эпоху тотальной диктатуры, – широко ухмыльнулся Саймон, отвешивая старшему сыну шуточный подзатыльник.

– Вкусно! – промычал Итан, набив рот кукурузой и сверкнув улыбкой, в которой не хватало пары передних зубов.

Младший из семейства Свифт унаследовал от матери светлые волосы, голубые глаза и самый жизнерадостный нрав.

– Тогда мне следует стать президентом, – заявил ничуть не обескураженный Колин. – Сначала буду управлять фермой, затем возглавлю поселение и переименую его в Колинвиль. И издам указ, чтобы никогда не мыть посуду.

– Никто за тебя не проголосует, – усмехнулся Трэвис, так похожий на старшего брата, что со стороны их можно было принять за близнецов.

– Неправда, я проголосую! – воскликнул Итан.

– А если я тоже решу стать президентом? – с лукавым прищуром поинтересовался у него Трэвис.

– Тогда я проголосую за вас обоих. И за Фэллон.

– Вот только меня не надо впутывать, – фыркнула та, неохотно гоняя еду по тарелке.

– Можно отдать голос только за одного человека, – сообщил Трэвис.

– А почему?

– Потому что.

– Это тупой ответ.

– Все ваше обсуждение тупое, – вспыхнула Фэллон, всплеснув руками. – Ты не сумел бы стать президентом, даже если бы оставалась система выборной власти, потому что ты еще маленький и глупый.

– Не глупее тебя, – огрызнулся Колин. – И я вырасту. И смогу стать президентом, если захочу. Смогу стать кем угодно, если захочу.

– Мечтать не вредно, – с ехидной ухмылкой протянул Трэвис, заработав от брата пинок, на который тут же ответил.

– Президент – это прежде всего лидер, и он обязан вести за собой людей.

Фэллон вскочила из-за стола, и Саймон уже открыл было рот, чтобы положить конец ссоре, но промолчал, поймав взгляд жены.

– Ты не имеешь ровным счетом никакого представления о том, как быть лидером.

– Это ты не имеешь об этом представления! – выпалил Колин.

– Я точно знаю, что настоящие лидеры не занимаются пустой болтовней и не называют города в свою честь. Знаю, что лидеры несут ответственность за людей, следят за тем, чтобы у них были еда и кров, решают, кто отправится на войну, кто будет жить и кто умрет. А еще лидеры должны сражаться и, может быть, даже убивать. – Вокруг Фэллон заплескали злые красные искры. – Лидер – это тот, от кого все ждут ответа, даже если ответа не существует. Тот, кого винят, когда что-

то идет не так. И тот, кто всегда делает грязную работу, даже если это означает помыть чертову посуду!

Она бросилась к дому, унося за собой шлейф красных искр, и громко хлопнула дверью.

– Почему ей можно вести себя как избалованная принцесса? – требовательно спросил Колин. – И грубить всем вокруг?

– Фэллон сердится на нас? – жалобно всхлипнул Итан, со слезами на глазах поворачиваясь к матери.

– Нет, малыш, она просто сердится. Пусть немного остынет. Дайте ей побыть одной, хорошо? – Она переглянулась с Саймоном, а потом заверила Колина: – Она обязательно извинится.

– Я могу стать президентом, если захочу, – фыркнул он. – Она не правит миром.

Сердце Ланы болезненно сжалось, но она взяла себя в руки и весело сказала:

– Я упомянула, что испекла персиковый пирог на десерт? – Это был безотказный способ поднять настроение мальчишкам. – Кусок полагается каждому, кто доест основное блюдо.

– А я знаю отличное средство, чтобы отработать калории, – тем же бодрым тоном сообщил Саймон, принимаясь за ужин. – Баскетбол.

С тех пор как на амбаре появилось кольцо, мальчишки проводили с мячом почти все свободное время.

– Пап, чур, я в твоей команде! – тут же расплылся в улыбке Итан.

– Мы размажем их по стенке, чемпион, – подмигнул ему Саймон и широко ухмыльнулся.

– Вот уж фигушки, – с набитым ртом возразил Колин. – Готовьтесь к поражению. Мы с Трэвисом вас размажем.

Средний брат обменялся взглядом с матерью, и та подумала, что он прекрасно все понимает. Как и Колин, хотя его гнев и обида слишком сильны, чтобы сразу остыть.

Их сестра не правила миром. Она несла его груз на своих плечах.

* * *

Плохое настроение Фэллон прорвалось потоком слез. Рыдая от жалости к себе, она бросилась на кровать, которую отец смастерил сам, скопировав одну из моделей старого мебельного каталога. В конце концов, слезы иссякли и осталась только тупая головная боль.

Это было так несправедливо. Все это. А ссору начал Колин. Он всегда встречал с грандиозными, но глупыми идеями. Вероятно, потому, что не обладал магией. Вероятно, потому, что завидовал.

Если бы это зависело от Фэллон, она с удовольствием поменялась бы судьбами с братом. Пускай бы он забирал себе дурацкий дар, а потом вместо нее отправлялся к незнакомцу

на обучение и становился спасителем целого чертова мира.

А она хотела всего-навсего быть обычной. Как другие девчонки из поселения и с соседних ферм. Как все остальные.

Услышав крики и смех, долетавшие через открытое окно, Фэллон постаралась не обращать на них внимания. Но в конце концов не выдержала, встала и выглянула наружу.

Летом дни тянулись долго, и сейчас небо было по-прежнему яркосиним. Но, как и мать, она чувствовала приближение бури.

Фэллон заметила отца и сидящего на его плечах Итана. Они направлялись в сторону амбара. Старшие мальчишки уже заворачивали за угол, поднимая столбы пыли спортивными бутсами, которые удалось выменять в поселении.

Она не хотела улыбаться, когда отец передал отобранный у Колина мяч Итану и поднял того к корзине, позволяя шестилетнему сыну заработать очко.

Она не хотела улыбаться.

Старшие ребята были похожи на отца. Итан был похож на мать.

А она была похожа на мужчину с обложки книги.

Одно это часто ранило сильнее, чем, как ей казалось, она могла выдержать.

Она услышала тихий стук в дверь, затем в комнату вошла Лана.

– Подумала, что ты захочешь подкрепиться. За ужином ты едва прикоснулась к еде, – ласково сказала она. Фэллон

ощутила, как сквозь плохое настроение проступает стыд, и лишь молча покачала головой. – Тогда оставлю. – Лана опустила тарелку на тумбочку, смастеренную мужем. – Ты знаешь, как разогреть, когда проголодаешься.

Фэллон кивнула. По щекам потекли слезы. Лана подошла и обняла дочь.

– Я сожалею, – прошептала та.

– Знаю.

– Испортила всем ужин.

– Неправда.

– Но я хотела этого.

– Знаю, – повторила Лана, целуя Фэллон в щеку. – И все же не испортила. Позднее извинишься перед братьями. Но сейчас они счастливы, сама слышишь. Так что все хорошо.

– Я не похожа ни на тебя, ни на папу, в отличие от них.

Лана ласково провела ладонью по длинным черным волосам дочери, собранным в хвост, затем заглянула в такие знакомые серые глаза.

– Я рассказывала о той ночи, когда ты родилась. Это одна из любимых твоих историй, помнишь? – Не прекращая говорить, Лана подвела Фэллон к кровати и усадила рядом с собой. – Но я никогда не рассказывала о той ночи, когда ты была зачата.

– Я... – К щекам девочки прилила краска. Она знала, что такое зачатие и как оно происходит. – Это... странно.

– Тебе почти исполнилось тринадцать, и, даже если бы мы

не говорили об этом раньше, ты живешь на ферме и представляешь, откуда берутся дети.

– Да, но... Подобные вещи странно обсуждать с матерью.

– Пожалуй, немного, – согласилась Лана. – Так что я постараюсь избежать лишних подробностей. Раньше мы жили в Челси, районе Нью-Йорка. Мне там очень нравилось. Через дорогу была пекарня, за углом – продуктовая лавка. А еще – множество магазинов, красивые старые здания. Макс владел квартирой на верхнем этаже, в ней мы и поселились вдвоем. Там были большие окна, через которые можно было наблюдать, как мир проносится мимо. Полки ломились от книг. Кухня, конечно, уступала по размерам той, что на ферме, но зато была оборудована современными приборами. Мы частенько устраивали вечеринки для друзей. Я работала в престижном ресторане и мечтала когда-нибудь открыть свой собственный.

– Ты самый лучший повар в мире.

– Просто сейчас некому составить мне конкуренцию, – рассмеялась Лана, обнимая дочь за талию. – В один прекрасный день я пришла домой с работы, мы с Максом выпили хорошего вина и занялись любовью. И спустя всего пару минут во мне что-то вспыхнуло. словно ярчайший свет, удар молнии или огненная стрела, но глубже и великолепнее. Это сложно описать словами, даже сейчас, после стольких лет. Но меня это поразило до глубины души. И Макс тоже почувствовал нечто похожее. Мы даже шутили на эту тему. А по-

том он принес свечу. Тогда мой дар был гораздо слабее, и даже зажечь огонь я считала большим достижением, которое давалось не каждый раз.

– Правда? Но ты...

– Изменилась, Фэллон. Той ночью во мне что-то проснулось. Я зажгла огонь безо всякого труда, едва подумала об этом. Новые силы пробудились во мне. И в Максе, и во многих людях, обладавших магическим даром. Но в моем случае той вспышкой была ты. Я узнала об этом лишь через несколько недель, но это была ты. Твоя искра загорелась внутри меня той ночью. И постепенно стало ясно, что ты особенная не только для меня, Макса и Саймона, но и для всех.

– Но я не хочу уезжать, – всхлипнула Фэллон, пряча лицо на груди матери. – Не хочу становиться Избранной, спасительницей мира.

– Значит, откажись. Выбор за тобой, милая. Никто не будет тебя заставлять, и я лично прослежу, чтобы никто не посмел решать за тебя. И твой отец никому этого не позволит.

Фэллон знала об этом. Родители не раз говорили, что последнее слово останется за ней. Но...

– Я не хочу вас разочаровать. Вы не будете меня стыдиться, если я откажусь?

– Нет, – горячо заверила Лана, изо всех сил обнимая дочь, прижимая ее к груди. – Нет, конечно! Никогда. – Сколько ночей она провела без сна от ярости и отчаяния из-за предназначения этой крохи? Этого ребенка. Ее ребенка. – Ты моя

жизнь. И я горжусь тобой каждый день. Горжусь тобой, твоим умом, твоим добрым сердцем, твоим ярким светом. Боже, как же ярко он сияет! Но я бы променяла любой свет на другую судьбу для тебя. Лишь бы тебе не пришлось делать этот ужасный выбор...

– Он пожертвовал жизнью, чтобы спасти меня. Мой биологический отец.

– Он поступил так не потому, что ты можешь стать спасительницей. А потому, что любил тебя. Мы с тобой самые везучие женщины на земле. Нас любили двое потрясающих мужчин, двое отважных героев. Что бы ты ни решила, ни они, ни я не разочаруемся в тебе.

Фэллон с облегчением обмякла в объятиях матери, успокоенная и обрадованная. А затем ощутила... что-то. И осторожно отстранилась.

– Ты не все рассказала. Я чувствую, есть что-то еще.

– Я говорила про Нью-Хоуп и...

– Кто такой Эрик?

– Не делай так, – резко дернулась Лана при звуке этого имени. – Ты же знаешь правило: не проникать в чужие мысли без разрешения.

– Я не проникала, клянусь. Просто увидела их, почувствовала, – заверила Фэллон. Ее голос дрожал. – Есть что-то еще, что ты не рассказываешь, потому что беспокоишься. Ты боишься за меня, я чувствую. Но если ты о чем-то умалчиваешь, как я пойму, что делать?

Лана встала и подошла к окну. Посмотрела на играющих мальчишек, на любимого мужчину, на старых псов, Харпера и Ли, которые спали на солнце, и двух щенков, которые бежали по пятам за хозяевами. Посмотрела на поля, на землю, ставшую домом. На жизнь, построенную с таким трудом, а потому бесценную. Но там, где возникал свет, тут же появлялась и тьма. И эта тьма стремилась разрастись, затопить вечного соперника. Эта мысль наполняла горечью.

Магия всегда имела обратную сторону и требовала платы, иногда непомерно высокой.

Лана утаивала самые темные подробности от дочери, ярчайшего источника света, потому что боялась. Потому что желала сохранить семью под своим крылом, под надежной защитой. В безопасности.

– Я не упомянула о некоторых вещах в основном потому, что надеялась на твой отказ становиться Избранной. Помнишь, я рассказывала о нападении, когда мы с Максом жили в доме в горах?

– Ты говорила, что двое из тех, кто жил с вами, оказались предателями, Темными Уникумами. Но вы не знали об этом, пока они не попытались всех убить. Убить меня. Вы дали отпор и долгое время думали, что уничтожили злодеев.

– Все верно. Но мы ошибались.

– И та пара снова атаковала, уже в Нью-Хоупе. Они явились за мной. И тогда Макс пожертвовал собой, чтобы спасти тебя, спасти меня, и перед смертью велел тебе убегать.

Ты так и поступила, потому что понимала, что нападавшие вернутся, желая разделаться со мной. И долгое время скиталась в полном одиночестве, скрываясь от преследователей. А потом нашла ферму, нашла папу. – Фэллон перевела дух, выпалив знакомую историю, и спросила: – Эрик был одним из них? Одним из Темных Уникумов?

– Да. Он и женщина, с которой он встречался. Думаю, именно она перетянула его на сторону зла. Вдвоем они пытались убить меня, убить тебя. И убили Макса. Хотя тот приходился Эрику родным братом.

– Братом? – с ужасом выдохнула Фэллон. Как же так? Братья могли казаться надоедливými и несносными, но всегда оставались частью семьи. – Эрик мой дядя? Родная кровь?

– Он решил предать кровное родство, решил убить собственного брата. Выбрал сторону тьмы.

– Все делают свой выбор, – прошептала Фэллон. Затем глубоко вдохнула и выпрямилась. – Расскажи мне все. Не упускай ни одной детали. Хорошо?

– Хорошо, – сдалась Лана, закрывая лицо ладонями. Заглянув в серые, до боли знакомые глаза, она поняла, какой выбор сделает дочь. – Хорошо, я расскажу тебе абсолютно все.

Глава 2

Фэллон извинилась перед Колином, но прекрасно понимала, что вскоре следует ждать возмездия. И все же она предпочитала думать не о приближающемся дне рождения и выборе, который предстояло сделать, а о планах расплаты обиженного брата.

Это было понятно и привычно. По-домашнему.

Да и расчетливое выражение в глазах Колина было лучше беспокойства в глазах матери и отца.

Фэллон помогала заготавливать сено и пшеницу, собирать фрукты и овощи. Ежедневные хлопоты отлично отвлекали от тревог и успокаивали. Она даже не жаловалась, когда приходилось дежурить по кухне, лишь чертыхалась про себя. Конец лета и начало осени означали многие часы приготовления джемов и желе, консервирования фруктов и овощей на будущую зиму.

Зиму, которой Фэллон так боялась.

В свободное время она скакала по полям и лесам на любимой лошади, Грейс, названной в честь королевы пиратов – кумира девочки.

Она могла прокатиться до реки лишь для того, чтобы посидеть и подумать. Крючок с наживкой в воде был не так важен. Если удастся поймать рыбу для еды или обмена – тем лучше. Но главное – час или два одиночества, чтобы успо-

коить тревожную душу.

У реки Фэллон практиковалась в применении природной магии: вызывала бабочек, создавала маленькие воздушные воронки, заставляла речных обитателей выпрыгивать из воды.

В один безветренный жаркий день, когда солнце припекало так сильно, будто хотело заверить, что лето никогда не закончится, девочка сидела на любимом месте и читала. Забытая удочка висела над речкой.

Можно было бы наловить рыбы с помощью магии, но мать учила, что сверхъестественные силы следовало использовать лишь для утоления настоящего голода.

Птицы перекликались в ветвях деревьев. Из перелеска время от времени доносился шелест. Если бы Фэллон не погрузилась целиком в сюжет книги, то наверняка попробовала бы определить животное по звуку. Олень, кролик, белка, лиса, медведь. Люди по лесу ходили гораздо реже.

Но книга оказалась по-настоящему увлекательной. История – очень страшная – рассказывала о мальчишке, обладающем даром, и о сиянии, заточенном в старом отеле, полном зла.

Фэллон не заметила плеск воды даже тогда, когда он повторился. В этот момент в книге кусты вокруг отеля обрели форму животных и принялись угрожать главному герою.

Но журчащий голос все же сумел привлечь ее внимание. Сердце, быстро колотящееся от переживаний за персона-

жа истории, ударило особенно сильно, когда кто-то прошептал ее имя бесцветным, водянистым голосом. Поверхность реки расходилась кругами.

Фэллон осторожно отложила книгу и медленно встала, держа ладонь на рукояти ножа.

– Что это за магия?

Может, это был знак? Или нечто темное пыталось приманить жертву?

Снова послышался звук ее имени, и вода в речке пошла рябью, плеснула.

Бабочки, порхавшие над поверхностью, взлетели желтым облаком. В воздухе повисла гробовая тишина.

Что ж, Фэллон не была маленьким мальчиком из книги. Напоминая себе об этом, она приблизилась к реке.

– Я Фэллон Свифт! – выкрикнула она, стараясь заглушить шум сердцебиения. – Кто вы? Что вам нужно?

– У меня нет имени. И все имена принадлежат мне.

– Что вам нужно?

Из плещущих волн поднялась водяная ладонь, демонстрирующая единственный палец. Когда Фэллон стряхнула с себя удивление и поняла, какой это палец и что он означает, было уже поздно.

Они налетели на нее сзади втроем и столкнули в речку. А когда жертве розыгрыша удалось вынырнуть на поверхность, лес уже вздрагивал от оглушительного хохота братьев.

Фэллон отдышалась, отвела с глаз мокрые волосы, нащу-

пала ногами дно и встала.

– Потребовались вы трое и засада, чтобы одолеть меня одну, – фыркнула она.

– «Кто вы? Что вам нужно?» – передразнил Колин тоненьким голоском. – Ты бы видела свое лицо.

– Приятно знать, что ты умеешь принимать извинения.

– Ты заслужила. Вот теперь мы в расчете.

Может, она действительно это заслужила. И по меньшей мере стоило отдать Колину должное: он умело рассчитал время и завербовал младших братьев. Кроме того, розыгрыш оказался по-настоящему оригинальным и требовал таланта.

И все же...

Фэллон взвесила варианты, оценила унижение в случае неудачи и решила рискнуть.

В конце концов, она немало практиковалась.

Пока ее братья смеялись и исполняли победный танец, она проникла в сознание своей лошади. Грейс шагнула вперед и толкнула Колина в воду.

– Эй! – заорал он, поднимая тучу брызг и с трудом отыскивая ногами дно, так как был ниже сестры. – Так нечестно!

– А трое на одного было честно?

– Я тоже хочу поплавать! – заливаясь смехом, выкрикнул Итан и прыгнул в речку.

– К черту, – махнул рукой Трэвис, сбросил обувь и с разбега нырнул.

Пока мальчишки брызгались и пытались притопить друг друга, Фэллон откинулась на спину, держась на поверхности воды, и дотянулась до разума среднего брата.

«Твоя работа».

«Ага».

«Я же извинилась».

«Да, но Колину это было нужно. Да и задумка оказалась классная, согласись. – Трэвис повернулся к сестре и широко улыбнулся. – Кроме того, в такую жару даже приятно окунуться».

«Но средний палец был лишним. И грубым».

«Зато весело вышло».

«Весело. – Фэллон не смогла сдержать ухмылку. – Оставьте нас с Колином на пару минут?»

«Блин, да мы всего-то тебя в воду толкнули».

«Я не разборки устраивать. В расчете, значит, в расчете. Просто нужно поговорить».

Трэвис внимательно посмотрел на сестру. Он видел, он знал, как и всегда. Он молча кивнул, отвернулся и принялся перебрасываться поддразниваниями с Колином.

Фэллон поплыла к берегу и выбралась из воды. Провела рукой вдоль тела, высушивая одежду, подняла с земли книгу, подхватила удочку.

– Нужно возвращаться! – крикнула девочка братьям, проигнорировав протесты – в основном от Итана. – Пора приниматься за работу по дому, помочь маме с ужином.

Трэвис выбрался на берег, подошел к сестре, и та высушила его магией.

– Спасибо.

Фэллон пришлось протянуть руку, чтобы вытащить из реки Итана.

– Плавать в одежде очень весело, – объявил мальчик.

– Было бы совсем невесело, если бы пришлось возвращаться домой мокрым и в обуви, хлюпающей от воды, – отозвалась Фэллон, щелкнув шестилетку по носу, но все же наклонилась, высушила его кроссовки, потертые штаны и футболку, доставшиеся от Колина.

Затем взяла Грейс за повод и обернулась к старшему из братьев.

– Да ладно, – протянул тот. – Ты уже отомстила мне за то, что я отомстил тебе.

– Высушу одежду, если пообещаешь не мстить мне за то, что я отомстила тебе.

Колин на минуту задумался, но потом махнул рукой и расплылся в улыбке:

– Была у меня одна отличная задумка, но, так уж и быть, приберегу ее на следующий раз, когда начнешь строить из себя стерву мирового класса. Скорее всего, долго ждать не придется.

– Но этот раунд закончен. Согласен? – Фэллон протянула брату ладонь.

– Согласен, – отозвался он, пожимая ее руку. После про-

цедуры сушки Колин огляделся по сторонам и недоуменно уточнил: – Они что, без нас ушли?

– Это я попросила Трэвиса оставить нас наедине.

– Мы же договорились, что раунд закончен, и пожали руки. – В глазах мальчишки светились подозрения и обещание скорой расплаты.

– Я просто хотела поговорить. – Фэллон зашагала в сторону дома, лошадь лениво поплелась следом. – Совсем скоро наступит мой день рождения.

– Ага, точно.

– Мой тринадцатый день рождения.

– Ну и что? – Колин пожал плечами, поднял с земли палку и принялся стучать по стволам попадающихся на пути деревьев. – Значит, скоро начнешь целовать соседских парней и повязывать ленточки в волосы. Тупизна, в общем.

– Мне нужно будет уехать.

– Ну да, и машину скоро начнешь водить. Я тоже могу научиться управлять пикапом. Почему тебе все достается первой?

– Колин, меня не будет на ферме, чтобы водить машину. Мне придется уехать.

– Уехать куда? – Фэллон заметила, что на лице брата промелькнуло понимание. Родители не делали тайны из истории о Маллике, Избранной и двух годах обучения вдали от дома. Следом за пониманием в глазах Колина вспыхнуло яростное возмущение. – Да эта сказка – просто дерьмо собачье. Ты

никуда не поедешь, и точка!

Фэллон рассеянно отметила про себя очередное ругательство. Стоило оказаться вдали от родителей, и крепкие словечки так и сыпались с языка мальчишки.

– Это правда. Когда Маллик вернется, мне придется отправиться с ним.

– А я сказал, дерьмо это все. – Покрасневший от гнева Колин отшвырнул палку. – Мне пофиг, кем себя считает тот странный мужик, но он не заставит тебя уйти. Мы его оставим. Я его остановлю.

– Он не будет меня заставлять. Он не сможет меня заставить. Но я должна буду пойти с ним.

– Значит, ты хочешь этого? – Теперь голос брата звучал горько, разочарованно. И совсем по-детски. – Хочешь побыстрее убратся с фермы и начать корчить из себя важную шишку? Избранную, спасительницу мира? Но это всего лишь еще одна гребаная сказочка! – Он толкнул Фэллон, причем довольно сильно. – Ты никакая не особенная! И мир не надо спасать! Посмотри вокруг!

Колин обвел рукой лес, залитый солнечным светом и купающийся в летней зелени.

– Это не весь мир, а только его малая часть. И даже она может оказаться под угрозой. – Что-то поднялось в ней, так быстро, так жарко, что у нее перехватило дыхание. – Это ты посмотри вокруг. Посмотри на настоящий мир.

Она вскинула руки, резко разводя их в стороны, будто от-

дергивая занавеси.

Вокруг бушевали сражения, кровавые и страшные. Некоторые здания обратились в руины, другие пылали. Тела, изувеченные и разорванные, лежали на тротуарах. На тротуарах и улицах когда-то великого города.

По мирному лесу прокатились звуки выстрелов, следом донеслись крики боли. С неба обрушилась черно-красная молния, оставив в земле провал, куда начали падать люди.

В воздухе носились крылатые существа. Кто-то из них напал, кто-то защищался. Уникумы, темные и светлые, люди, добрые и злые, вели войну над телами погибших, пытаясь отомстить за их кровь.

– Хватит. – Колин схватил застывшую, словно в трансе, сестру за руку. – Прекрати, пожалуйста. – На последнем слове он всхлипнул. Это наконец вывело Фэллон из оцепенения, и занавеси вновь задернулись. – Как ты это сделала? Как?

– Сама не знаю, – прошептала она, обессиленно садясь прямо на тропинку и стараясь подавить дурноту и головокружение. – Не знаю. Мне плохо.

Колин выхватил фляжку из седельной сумки и протянул сестре:

– Вот, выпей воды. Еще, кажется, опустить голову между колен помогает:

– Эти образы иногда возникают у меня в голове, – тихо произнесла Фэллон, сделала глоток и закрыла глаза. – Чаше всего во сне. Места вроде этого или другие. И почти всегда я

вижу сражения, разрушения, гибель. Иногда – людей в клетках или привязанных к столам. И кое-что еще хуже, гораздо хуже. – Она отпила еще воды. – Я уже в порядке, но все равно не представляю, как это сделала. Моих знаний недостаточно.

– Что это было за место? – спросил Колин, помогая сестре встать и забирая у нее флягу.

– Не уверена. Думаю, Вашингтон. Но я даже не знаю, почему так думаю. Моих знаний недостаточно. Именно поэтому я должна отправиться с Малликом. Я должна узнать больше. Но мне страшно. Очень страшно. Темные силы хотят убить меня, они уже пытались убить меня и маму. Они убили моего биологического отца. Они найдут меня рано или поздно. Они могут явиться сюда, на ферму. Если что-то случится с родителями или с тобой, Трэвисом и Итаном... – Фэллон отвернулась к лошади и спрятала лицо в гриве Грейс. – Я должна уйти, чтобы понять, как их остановить. Иначе это никогда не закончится.

– Тогда я пойду с тобой. – Колин неловко похлопал сестру по спине.

– Ты не можешь.

– Попробуй меня остановить. – Он тут же снова ошетинился, демонстрируя безрассудную храбрость, такую искреннюю и невинную. – Думаешь, раз я не умею проворачивать ваши дурацкие магические фокусы, так и сражаться неспособен? Вот уж черта с два! Я иду с тобой. И даже не возражай.

Фэллон вряд ли смогла бы выразить, насколько слова брата тронули ее. Он вступился за нее и поддержал, когда это было нужнее всего.

– Магия тут ни при чем. – Даже в этом возрасте она понимала основы тактики и стратегии. – И умение сражаться тоже. – Фэллон вытерла слезы, обернулась к брату и заметила светлые дорожки у него на щеках. Значит, он тоже плакал. – Ты должен остаться, чтобы занять пост президента.

– Какого хрена? – Несмотря на любовь к крепким выражениям, Колин приберегал самые забористые словечки на крайний случай.

– Сейчас объясню. – Почувствовав, что может держаться на ногах, Фэллон зашагала к дому. – Папа с мамой – король с королевой, правильно? Они правят на ферме. Но не в курсе всего, что происходит. Кстати, они обязательно узнают о розыгрыше на реке, если только вы с Трэвисом не заставите Итана поклясться сохранить все в тайне. Иначе он непременно проболтается.

– Черт!

– Ничего страшного, они вряд ли рассердятся. Но, как я сказала, родители не могут знать всего. Поэтому кто-то должен помогать им. Ты должен стать президентом и приглаживать за Трэвисом и Итаном. Да и за мамой с папой. Мне нужно знать, что с ними все будет в порядке. Пожалуйста. Это очень сложная работа. Сделать так, чтобы все выполняли свои обязанности и занимались уроками. И при этом не

слишком командовать, иначе ничего не выйдет.

– Но ты-то командуешь! – возразил Колин, шутливо толкая сестру.

– Поверь, я могла бы командовать куда больше. Намного, намного больше. Пожалуйста, ты подумаешь над моей просьбой?

Они остановились на возвышенности, откуда их мать когда-то давнымдавно впервые увидела ферму и где впервые за долгое время ощутила надежду.

– Я могу стать президентом, – пробормотал Колин. – Я уже говорил тебе, что могу.

– Отлично.

Фэллон обняла брата, и они вместе посмотрели вниз, на дом.

Итан кормил собак. Трэвис собирал бобы в огороде. Отец возвращался с ближайшего поля, ведя в поводу одну из лошадей. Мама перебирала пряности, но при виде мужа выпрямилась и помахала ему.

Фэллон была уверена, что навсегда запомнит эту картину. Куда бы ни направилась. И что бы ни должна была сделать.

* * *

День за днем, ночь за ночью Лана наблюдала за детьми, удивляясь самой себе. До Приговора она думала о том, чтобы стать матерью, но не скоро, а когда-нибудь потом. Она на-

слаждалась комфортной жизнью горожанки бок о бок с любимым мужчиной.

Магия казалась скорее развлечением, чем серьезным занятием, да и сил хватало лишь на то, чтобы зажечь свечу.

Лане нравилось работать в ресторане, так что планы на собственный бизнес были такими же, как мысли о детях: далекими и неоформленными.

Она жила с писателем, чьи книги завоевали популярность. Он, в отличие от возлюбленной, воспринимал дар серьезно и обладал куда более значительными способностями. И все же в прежние времена магия была бледным подобием той мощи, которая царила теперь.

Любовь Макса и Ланы все еще ярко сияла новизной, и будущее казалось безграничным.

А затем наступил конец света. Все, что они воспринимали как должное, растворилось в дыму, в крови, в карканье кружащих ворон. В момент вспышки той январской ночью была зачата не только Фэллон. Началась новая жизнь в совершенно другом мире.

За несколько месяцев, что прошли между тем зимним вечером и летним днем, когда Лана встретила Саймона, она изменилась так, что прежняя горожанка не узнала бы в ней себя. Изменилась не только из-за беременности, не только из-за возросшей магической силы, но и внутренне, на глубинном, фундаментальном уровне.

Но и та голодная, отчаявшаяся, горящая жертва пресле-

дования, которую Саймон обнаружил в курятнике, ничем не напоминала женщину, которая лежала сейчас без сна в объятиях мужа и прислушивалась к неумолчному уханью филина в прохладном мраке осенней ночи.

Эта женщина знала любовь, что длится не днями, неделями и месяцами, но годами. Она выращивала урожай, охотилась на лесную дичь и приняла магию как часть своего естества. А еще родила четверых детей на той самой кровати, что делила с мужчиной, который принимал роды, помогая малышам увидеть мир.

Их мир.

Но за пределами фермы существовал и другой мир. Лана жила там, сражалась и едва не погибла. Едва унесла оттуда ноги.

И теперь, после всех потерь и обретений, горя и радости, ей предстояло отправить дочь в тот ужасный мир, наполненный кровью и дымом.

– Мы всегда можем отказаться, – тихо произнес Саймон, погладив жену по волосам.

– Ты что, научился читать мысли? – фыркнула она, двигаясь ближе.

– Это несложно, мы думаем об одном и том же. Фэллон еще совсем дитя, Лана. Согласен, мы никогда не скрывали от нее предназначения, старались честно и прямо рассказывать обо всем, но она еще слишком юна. Может, еще раз объяснить, что мы поддержим ее, если она решит никуда не ухо-

дить? Она не обязана куда-то уходить.

– Ты прав, мы никогда не лгали ей, не таили секретов. И мне кажется, она узнала бы, даже если бы мы попытались. Внутри ее живет нечто большее, чем мы все. Я это чувствовала еще во время беременности. И чувствую сейчас.

– Помнишь первую весну Фэллон? – вдруг спросил Саймон. – Мы работали в огороде, а она спала в тени под старой яблоней, рядом с Харпером и Ли. И спустя какое-то время начала заливисто смеяться. Вокруг нее порхали сотни бабочек и те огоньки...

– Феи. – Лана улыбнулась, вспомнив тот момент. – Она позвала их.

– А ведь Фэллон тогда не умела еще даже ходить. Знаю, что она уже не маленькая, но ей ведь всего двенадцать...

«И скоро исполнится тринадцать, – подумала Лана. – Все-го через несколько дней».

Она рассеянно перебирала звенья висевшей на шее Саймона цепочки, на которой он носил медальон с образом Архангела Михаила.

– Она решила уйти.

– Ты не знаешь этого наверняка.

Лана не ответила, только молча положила руку на грудь мужа.

Под этой маленькой ладошкой сердце Саймона замерло от боли. Он нежно сжал тонкие пальцы жены.

Они пообещали друг другу выступить единым фронтом,

когда настанет время принимать решение, и поддержать Фэллон, что бы она ни выбрала.

– Думаю, это объясняет, почему малышка не спорила с братьями последние несколько дней. Она уже сказала тебе? – уточнил Саймон.

– Нет. Не вслух, во всяком случае. Я знала, каково предназначение Фэллон, с самого ее рождения и даже раньше. Это понимание исходит изнутри, из самой глубины души. Время исполнения пророчеств приближается. И мне это ненавистно. – Лана спрятала лицо на груди мужа. – Она наша малышка, Саймон, и мне все это ненавистно.

– Мы можем придумать способ остановить это, остановить Фэллон.

– Нет, не можем, – покачала головой Лана, прижимаясь к нему еще сильнее. – Это выше наших сил. И всегда так было. Но даже если бы нам удалось изменить судьбу дочери, к чему бы это привело? Что произойдет, когда мальчишки вырастут и захотят выбраться в окружающий мир? Или мы и их запрем на ферме навечно, как насекомых в янтаре? Мы уже подарили им детство, беззаботную жизнь, потому что Фэллон предоставили отсрочку.

– Но время на раздумья подходит к концу, я понимаю. И знаю, как защитить близких.

– Ты это уже доказал. Еще до того, как я стала твоей женой. Но с надвигающейся бурей нам не справиться. – Лана подняла голову, чтобы заглянуть в глаза мужу, и погладила

его по щеке. – Мы опираемся на тебя, я и дети. И ни за что не сможем встретить будущее без твоей поддержки. Мы должны отпустить Фэллон. – Она всхлипнула. – Помоги мне отпустить ее.

– В чем я точно уверен, – произнес Саймон, приподнимаясь и садясь удобнее, чтобы обнять жену, – так это в том, что наша девочка выросла сильной, умной и чертовски изворотливой в придачу.

– Так и есть, – рассмеялась Лана сквозь слезы. – Так и есть.

– Если говорить начистоту, мы научили ее всему, что знали сами. Кроме того, она уедет всего на два года. – Саймон зажмурился, чувствуя, как разбивается на мелкие осколки сердце. – Время летит так быстро. Фэллон будет в порядке. Она поедет в место, похожее на пансионат для волшебников, уже зная гораздо больше, чем Гарри Поттер.

– Точно, – вздохнула Лана, успокаиваясь.

– Не хочешь совершить обход?

– Да, давай, – кивнула она, утирая слезы и отбрасывая с лица волосы. – Отличная идея.

Она переключилась на мысли о крепком старом доме, двере которого распахнул перед ней Саймон. Перед ней и ее нерожденным ребенком от другого мужчины.

За несколько лет они расширили хозяйство – руки у бывшего военного были золотыми. Он снес стену в гостиной, освободив необходимое пространство, чтобы шить, прясть, ткать. Постепенно к животным в загонах добавились овцы.

К кухне Саймон и Лана пристроили кладовку для хранения припасов. Затем возвели вторую теплицу, овощи в которой росли всю зиму.

За это время они не только обустроили дом, но и наполнили его детьми. Сейчас все спальни были заняты этими неоспоримыми доказательствами любви и надежды, этими драгоценными лучиками света. Лана думала о них с улыбкой, надевая халат.

Вместе с Саймоном они создали семью и обеспечили ее безопасность, пусть и удерживая детей в янтаре этого надежного мирка. Вместе с Саймоном они подарили Фэллон счастливое детство – лучшее основание для того, чтобы научить ее не только брать, но и делиться.

И вот теперь вместе с Саймоном они шли провести детей. Сначала родители заглянули в комнату, в которой спали Трэвис и Итан. Лунный свет струился сквозь окно и падал на самодельную двухъярусную кровать. Средний сын растянулся на животе на верхнем месте, одна рука свисала через край. Мягкое байковое одеяло сползло к ногам. Лана помнила, как выменяла его на две банки маринованных огурцов из первого урожая.

Зная, что усилия напрасны, она все же тихо приблизилась и укрыла Трэвиса.

Итан спал внизу в обнимку со щенками, Скаутом и Джемом, и улыбался во сне.

– Если бы ему удалось незаметно протащить животных из

загона, сейчас в его постели лежала бы половина фермы, – прошептал Саймон на ухо Лане.

– Поросята, например, – кивнула она, заставив мужа смеяться.

– До сих пор не представляю, как он умудрился пробраться мимо нас с поросятами.

– У Итана доброе сердце. А этот проказник, – Лана осторожно положила руку Трэвиса обратно на кровать, – хоть и обожает устраивать розыгрыши, но всегда все подмечает. Иногда мне кажется, он знает абсолютно все.

– И он чертовски хороший фермер, – добавил Саймон с гордостью.

– Весь в отца, – улыбнулась Лана, отходя к двери.

Бросив на сопящих мальчишек последний взгляд, родители направились к комнате Колина.

Он свернулся калачиком на кровати, одной рукой вцепившись в одеяло так, будто кто-то мог украсть его ночью. Странные находки, которые Колин считал сокровищами, заполняли деревянную шкатулку на комод, стояли на подоконнике и на полках, которые смастерил Саймон. Гладкие камешки необычной расцветки, отполированное волнами зеленое стеклышко из реки, ком засохшего мха, несколько монет, сломанный перочинный нож, старая бутылочная пробка, выщербленная крышка термоса и так далее и тому подобное.

– Лучший добытчик на свете, – прокомментировал Сай-

МОН.

– Это его талант – замечать потенциальные сокровища. Я знаю, иногда он возмущается из-за того, что у него нет магического дара, как у остальных, но у него такой пытливый ум.

– И не забудь о безразмерном эго. Колинвиль, – фыркнул Саймон.

Улыбнувшись, Лана наклонилась, чтобы поцеловать сына в щеку.

– Президент Свифт больше не пахнет детством, – сообщила она. – От Трэвиса с Итаном пока исходит этот неповторимый аромат непокорности, невинности и свободы. А вот от этого взрослого парня уже веет духом раздевалки спортзала. Мужским и здоровым. – Она обернулась к мужу и скользнула в его объятия. – Интересно, будут ли когда-нибудь в Колинвиле спортзалы с раздевалками.

– Предполагаю, что его первым указом на посту президента станет организация баскетбольной площадки. Так что раздевалки обязательно появятся следом.

– Ты – самый лучший, – прошептала Лана, заглядывая мужу в глаза.

– Знаешь, чем нам следует заняться? – спросил он, нежно целуя подставленные губы.

– Кажется, именно с этого мы и начали вечер.

– Не грех и повторить. Но я не об этом. Нужно пригласить Джона Пайка с его старой фотокамерой, чтобы сделать

семейный портрет. В деревне многие так поступают. Раньше он увлекался съемкой, так что осталось помещение для проявки и все химикаты.

– И тебе придется отдать свою левую ногу за одну фотографию.

– Доверься мне. Я выторгую сделку получше.

– Тогда я – за. Семейный портрет – отличная идея.

Они вышли из комнаты Колина и спустились по лестнице в спальню Фэллон.

За ее окном, как это часто бывало, кружили крошечные светящиеся феи. Девочка лежала на кровати лицом к танцующим огонькам, одной рукой прижимая к груди плюшевого медведя.

Остальные дары Маллика, свеча и кристалл, виднелись на тумбочке в изголовье рядом с «Королем чародеев». В другой руке дочь сжимала деревянного коня.

– Твой подарок на первое Рождество, – со слезами на глазах прошептала Лана, поворачиваясь к мужу. – Ты хочешь сделать семейный портрет, чтобы она могла взять фотографию с собой?

– Джон может изготовить два снимка. Наша девочка выросла настоящей красавицей, правда? Иногда я смотрю на нее, и просто сердце замирает. В такие моменты единственное мое желание – иметь возможность отгонять от Фэллон мальчишек, хотя бы пока я не решу, что один из них заслуживает ее. Когда ей исполнится лет тридцать-сорок, к при-

меру. Или пятьдесят. Я хочу иметь больше времени, чтобы ругать ее за слишком короткие юбки и слишком вызывающий макияж...

— Ты дал ей все, что мог и должен был дать, — заверила Лана, крепко обнимая мужа, затем отстранилась и ласково погладила его по щеке, стараясь прогнать тоску из ореховых глаз. — Той ночью, когда наша малышка родилась, она оказалась в твоих руках. И с тех пор всегда искала твоей поддержки. И всегда будет искать. — Она тяжело вздохнула и ободряюще сжала ладонь Саймона. — Фэллон обязательно вернется к нам. Я не смогла бы ее отпустить, если бы не знала этого наверняка. Она вернется.

Но надолго ли она вернется и что произойдет за два года ее отсутствия или после ее возвращения, Лана не видела.

Глава 3

В день, когда Фэллон исполнилось тринадцать, листва деревьев ярко горела на фоне неба. Еще не собранные яблоки и персики висели на ветвях и ждали умелых рук. Гроздья винограда так и манили налитыми ягодами.

По всему огороду оранжевыми, зелеными, желтыми пятнами выделялись тыквы, кабачки и кочаны капусты.

Погода пока стояла теплая, но холодные ночи предупреждали о приближении первых заморозков.

Саймон отправил сыновей собирать яблоки, дав официальное разрешение взбираться на деревья. Фэллон же, ловкие руки которой прекрасно управлялись с лозами, он поручил срезать виноград. Спелые фиолетовые ягоды предназначались для изготовления вина, желе, изюма, да и просто для подачи на стол в качестве десерта. Лана уже испекла пряный пирог, любимое лакомство дочери, и сейчас трудилась в огороде, собирая урожай овощей. Сам Саймон колол и складывал в поленницу дрова, готовясь к грядущей зиме.

И вся семья Свифт притворялась, что этот день ничем не отличается от предыдущих. А что еще оставалось?

До Саймона доносился смех сыновей, кудахтанье кур, басовитое жужжание пчел со стороны улья. По спине и вискам тек пот, пока мужчина раз за разом опускал топор на чурбаки. Мышцы уже ныли от усталости.

Где-то в лесу дятел монотонно долбил кору. Собаки мирно дремали на солнце, не обращая внимания ни на шум фермы, ни на оленя, который ходил по самой кромке поля.

«Все кажется таким привычным, – подумал Саймон, – не считая того, что мир катится ко всем чертям».

Бывший солдат прекрасно понимал цену войны. Он отказался от той жизни, чтобы стать фермером, когда у его матери диагностировали рак. Она показала сыну, что женщины могут быть сильными, несмотря на слабость, продемонстрировала стойкость, любовь и жертвенность. И победила ужасную болезнь только для того, чтобы умереть от вируса.

Похоронив обоих родителей в течение недели, Саймон познал боль настоящей потери, но решил остаться на ферме. И выяснил, что можно жить дальше даже тогда, когда мир перевернулся с ног на голову. И что многие другие предпочитают сеять не урожай, а разрушения и хаос.

С тех пор Саймон не раз помогал соседям отбиться от нападений этих других. И хоронил как друзей, так и врагов. На горизонте неоднократно кружились вороны, а небо то и дело озаряли вспышки черно-красных молний.

Теперь же его дочери предстояло покинуть надежное убежище, выскользнуть из-под защиты отца и отправиться навстречу тьме и опасностям внешнего мира. И Саймон был не в силах помешать этому.

Он выпрямился и посмотрел на Фэллон: высокую, худощавую, прекрасную. Ее собранные в длинную косу черные

волосы блестели на солнце. На голове дочери красовалась одна из старых широкополых соломенных шляп его матери. А под не менее поношенной выцветшей голубой рубашкой виделось то, что Лана называла «выпуклостями».

Саймону совсем не хотелось думать, что его малышка становится взрослой. Поэтому он начал вспоминать, как доставал новую одежду для постоянно растущих детей. Как выменял для Фэллон джинсы – мешковатые, ведь она была такой худой, – и крепкие коричневые ботинки.

Саймон смотрел на дочь и старался навечно запечатлеть ее в памяти такой, как сейчас: среди винограда, с гроздьями спелых пурпурных ягод в руках, с поднятым к небу лицом. Не отводя от Фэллон взгляда, он потянулся за новым поленом, но застыл, заметив, как дочь напряглась и медленно обернулась к дороге с бесстрастным выражением лица, необычным для подростка.

Затем девочка опустила срезанные кисти винограда в корзину, заткнула за пояс садовые ножницы и зашагала между рядами привязанных лоз к выходу.

Время будто остановилось. Стихли и мальчишеский смех, и гудение пчел, и кудахтанье кур, и собачий лай. На секунду, на бесконечно долгую секунду Саймону показалось, что все вокруг затаило дыхание.

Он затаил дыхание.

Маллик стоял на дороге, ведущей к ферме, и держал поводья лошади. Той же самой, на которой приезжал трينا-

дцать лет назад. Он выглядел абсолютно так же, ни на день не постарев. Темные волосы ниспадали на плечи, в бороде виднелась седая прядь.

Лана выпрямилась, прижала ладонь к сердцу и устремилась навстречу гостю.

– Папа, – спокойным, ровным голосом окликнула Саймона Фэллон и взяла его за запястье. Только тогда он понял, что держит руку на пистолете, закрепленном в кобуре на бедре. – Пожалуйста, найди Итана, он плачет.

– Малышка...

– Я справлюсь. Пожалуйста, помоги мне. Пожалуйста, пожалуйста, папочка, помоги мне справиться.

– Хорошо, – сдался Саймон, заметив, как с лица дочери соскользнула бесстрастная маска. Большие серые глаза умоляюще смотрели на него. – Составь пока компанию матери, а я приведу мальчишек.

Фэллон подошла к Лане и взяла ее за руку. Вместе они направились к Маллику.

– Дамы, – поприветствовал тот, – прекрасно выглядите. Время пошло на пользу как вам, так и землям вокруг.

– Ты обещал дать выбор. Ты не можешь заставить ее пойти с тобой.

– Мам.

– Я твоя мать, – уже ощущая тоску и печаль, Лана повернулась к дочери. – Потому именно я и должна принимать решение. Ты еще недостаточно взрослая, чтобы делать такой

выбор. И ты не представляешь, что тебя ждет за пределами фермы! Не...

Внезапно Фэллон обвила мать руками и заговорила с ней мысленно:

«Я видела все то, что видела ты. Знаю все, что знаешь ты. Помоги мне справиться. Помоги стать такой же сильной, как ты. Отпусти меня, чтобы я смогла стать той, кем ты меня вырастила. Отпусти меня, чтобы я смогла вернуться».

Она отстранилась и, не отпуская руки Ланы, повернулась к Маллику.

– Ты приняла решение, Фэллон Свифт? – спокойно спросил он.

– Моя семья будет в безопасности? Я не оставлю их, если есть хоть малейшая угроза.

– Никто не причинит твоим родным вреда, пока ты проходишь обучение.

– Если это случится, ты за это заплатишься, понял?

– Понял, Фэллон Свифт, – кивнул Маллик, рассеянно потрепав по голове одну из обнюхивавших его собак, и посмотрел на Саймона с мальчиками, которые торопливо подошли из сада. На лице Колина застыло угрюмое выражение, Трэвис подозрительно разглядывал гостя, а Итан украдкой утирал слезы. – У вас подрастают чудесные сыновья. Позвольте напоить лошадь, пока вы будете прощаться?

– Вы уезжаете прямо сейчас?! Но Фэллон даже не поужинала. И не получила подарки. Я испекла ее любимый пирог.

И нужно помочь ей собрать вещи... – растерянно забормotala Лана.

– Мама, я уже собрала вещи. Сейчас принесу сумку.

Саймон молча махнул рукой в сторону амбара, указывая Маллику путь к поилке.

– Я... я пока соберу еду. Фэллон должна взять хотя бы пирог. – С этими словами Лана исчезла в доме.

– А вы пока принесите подарки для сестры, – велел Саймон сыновьям и преградил путь Маллику. – Где будет проходить обучение?

– Не так далеко, как ты опасаясь, но не так близко, как ты желал бы. Не могу сообщить больше ради безопасности Фэллон.

– Как мы узнаем, что с ней все в порядке?

– Защищать Избранную – моя священная обязанность. Ты сам был военным, так что поверь: я отдам свою жизнь за нее. Не из любви, как сделал бы ты, но из служения высшим силам. Фэллон – мое предназначение, моя надежда, мой долг. Я не подведу ее.

– Я действительно раньше был военным, – кивнул Саймон, – так что поверь: если кто-то причинит ей вред, я сумею выследить тебя, где бы ты ни находился. Я найду и убью тебя, обещаю.

– Если кто-то причинит ей вред, Саймон Свифт, значит, меня уже не будет в живых. А те, кто выживет, будут молить о той же судьбе. Даю слово, что через два года твоя дочь вер-

нется к тебе, и ты увидишь, кем ты помог ей стать.

– Через два года, – с угрозой в голосе кивнул Саймон. – И если с ней случится за это время хоть что-то плохое, я приду за тобой. – Он зашагал прочь, но остановился, когда из дома выскользнула Фэллон. Она несла небольшую спортивную сумку. – Я оседлаю Грейс.

– Я все сделаю, – предложил подскочивший к ним Трэвис. – А это мой подарок на день рождения. Я сам сделал их для тебя. – Он вручил сестре кожаные ножны, на которых красовались аккуратные ряды магических символов. – Руны помогут лезвию оставаться начищенным и острым, а удар будет всегда попадать в цель.

– Как красиво, Трэвис! – воскликнула Фэллон. – Ты... Наверняка на это ушло много времени.

– Я знал, что тебе придется покинуть ферму. – В голосе мальчишки зазвенели слезы, и он сглотнул. – И знаю, что тебе сейчас страшно, но ты обязательно вернешься!

– Да, я вернусь.

– Ты изменишься, но обязательно вернешься, – повторил Трэвис и решительно тряхнул головой. – Я оседлаю и приведу Грейс.

Фэллон так много хотела сказать отцу, что слова теснились на языке. Спустя пару минут к ней подбежали Колин с Итаном, освобождая от мучительной неловкости.

– Не уходи, пожалуйста, – умоляюще произнес Итан, обхватывая руками колени старшей сестры. – Ну пожалуйста,

останься с нами.

– Я должна уйти. Это всего на два года. Но у меня есть к тебе просьба: позаботься о медведице. – Фэллон открыла сумку и достала розовую плюшевую игрушку. – Сумеешь? Ее очень-очень нужно обнимать по ночам.

– Возьми ее с собой, она твоя.

– Медведица не хочет покидать это место. Она хочет остаться. Так ты позаботишься о ней, пока я не вернусь?

– Обещаю, я буду беречь ее. А еще я сделал для тебя подарок. Своими руками. Вернее, сделал его папа, но я помогал и сказал, чтобы он сделал цветок, и я сам его раскрасил! Это поздравительный цветок.

Фэллон приняла из рук братишки небольшой тюльпан, мастерски вырезанный из дерева и неумело раскрашенный ярко-зеленым и ядовито-розовым.

– Очень красиво. Спасибо, Итан. – Она убрала подарок в сумку, затем расстегнула ножны и переложила оружие в новые.

– А это от меня, – буркнул Колин, протягивая сестре небольшую коробочку.

Внутри лежала музыкальная подвеска. Фэллон достала ее и приподняла. Тонкие каменные пластинки и гладкие кусочки цветного стекла свисали с рыболовной лески, прикрепленной к старому металлическому крючку, и позвякивали на ветру.

– Какая прелесть!

– Глупая безделушка, но...

– Мне очень нравится. – Фэллон заметила, что на глазах брата блеснули слезы, и едва сдержала собственные, порывисто обняла его и прошептала на ухо: – Теперь ты стал президентом. Не забудь.

В это время на крыльцо вышла Лана. Даже сквозь легкий морок было заметно, что она плакала.

– Я положила твой любимый пирог, – сказала она. – И еще сегодняшний хлеб, немного мяса, сыр и... А вот и Трэвис с Грейс. Я положу продукты в седельную сумку.

– Я помогу. – Колин забрал у матери пакет с едой, подхватил собранные вещи сестры.

– Все происходит так быстро, – пробормотала Лана. – Слишком быстро.

Опасаясь, что и сама сейчас разрыдается, Фэллон наклонилась и обняла Итана.

– Береги мою медведицу и не позволяй старшим братьям тобой помыкать, – прошептала она. Затем выпрямилась, обернулась к Трэвису и крепко прижала его к себе. – А ты не вздумай даже мечтать о переезде в мою комнату. – Следом наступила очередь Колина. – Постарайся не быть засранцем.

– Сама ты засранка.

– И не разрушь всю ферму, пока меня не будет.

Она отстранилась, повернулась к матери.

– А это подарок от меня и от твоего отца, – тихо произнес-

ла Лана, протягивая дочери цепочку, на которой висели обручальное кольцо Макса и медальон Саймона с изображением святого Михаила. Фэллон ощутила, как ее омывает волна нежности. На глазах выступили слезы.

– Я всегда буду носить их. Всегда, мам. – Она застегнула цепочку на шее и упала в объятия Ланы. – Я так люблю вас!

– И мы тебя любим, малышка. И будем думать о тебе каждый день и ждать твоего возвращения. Сияй ярко, моя девочка, и я буду знать, что с тобой все в порядке. Отправь мне весточку, – прошептала Лана.

– Обязательно. – Фэллон сглотнула, отгоняя слезы, и обняла отца. – Папочка, я тебя люблю.

– Послушай, – Саймон немного отстранился, взял дочь за подбородок и приподнял ее лицо, заглядывая в глаза, – если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, только позови, и я приду. Обещаю.

– Мне не страшно, потому что у меня есть ты. И твоя поддержка. Я вернусь домой. – Фэллон прижалась щекой к груди отца. – Клянусь. – Затем взяла поводья и вспрыгнула в седло. – Не забудьте, я приеду на пятнадцатый день рождения. Готовьте подарки.

После чего пустила Грейс трусцой по дороге. Маллик, уже сидевший верхом, приблизился к подопечной и махнул рукой, указывая южное направление.

Фэллон бросила последний взгляд через плечо на семью. Они стояли все вместе, очень близко, прижимаясь друг к

другу, перед домом, где она родилась.

Колин расправил плечи и шутливо отсалютовал сестре, заставив ее губы изогнуться в улыбке, а глаза затуманиться от слез.

Фэллон помахала всем на прощание, после чего отвернулась и решительно пришпорила Грейс, направив ее на южную дорогу.

* * *

Маллик позволил спутнице задать темп. Предоставил ей свободу действий на несколько миль, чтобы посмотреть, быстро ли она возьмет себя в руки и успокоится. Кроме того, его крепкому гнедому жеребцу не помешает размяться.

Они пронеслись галопом мимо соседней фермы, куда меньшей, чем у Свифтов. На поле копали картошку женщины и худощавый паренек. Они отвлеклись от работы, выпрямились и проводили глазами всадников. От мальчишки исходила волна желания. По отношению к девушке и к тому, что казалось ему свободой.

Не снижая темпа, Маллик и Фэллон миновали несколько пустующих домов, за которыми расстилались луга. На зеленых холмах щипали траву несколько овец. За ними с груды валунов следила пожилая пастушка. В одной руке она сжимала изогнутый сверху посох, а другой придерживала винтовку, висевшую на плече.

Эта картина – седые волосы под поношенной шапкой, белые овцы, бездумно бродящие по холмам, большие серые камни, выступающие из зелени, – вызвала у Маллика незапланированный и острый укол ностальгии.

Спустя некоторое время Фэллон замедлила бег кобылы, скорее ради того, чтобы побереечь ее, чем по собственному желанию, и впервые обернулась, чтобы посмотреть на спутника.

– Я хочу знать, куда мы едем.

– Нам предстоит дневной переход до того места, где ты будешь тренироваться, учиться магии и расти.

– Почему именно тебе предназначено учить меня?

– На этот вопрос я не в силах дать ответ. Почему тебе предназначено стать спасительницей мира? Мы оба следуем по предначертанной нам стезе.

– И кто направил тебя на этот путь?

– Узнаешь со временем. Кто пас овец на лугу?

– Молли Крейн.

– В чем заключаются ее способности?

– Она оборотень. – Если Фэллон и удивилась вопросу, то не показала виду.

– А сколько овец паслось на лугу?

– Десять, кажется, – ответила девочка, раздраженно пожав плечами.

– Кажется?

– Я их не считала.

– У тебя есть глаза. Сколько овец ты видела?

– Не знаю.

– Ты не смотрела, потому и не видела. Их было четырнадцать. Одна выглядывала из-за камня, а беременную можно счесть за двух.

В сердце Фэллон вскипели гнев, горе от недавнего расставания с родными и страх перед неизвестностью.

– Да без разницы! – За подобный тон и неуважение к старшим родители сделали бы дочери выговор. Но ферма осталась позади.

– Действительно? Но на месте овец могут когда-нибудь оказаться враги. И как ты тогда узнаешь их точное количество? Один может спрятаться за камнем, а другой – загораживать напарника.

– Когда соберусь сражаться с овцами, тогда и буду их считать, – зло огрызнулась Фэллон.

Маллик указал на восток, где на самом горизонте кружили вороны:

– Им ведомо, что время ожидания прошло. На тебя будут охотиться, с этого дня и до самого конца.

– Я не боюсь ворон.

– Бойся того, что ими управляет. Страх может служить таким же оружием, как и отвага. Он порождает осмотрительность. Отсутствие же осмотрительности ведет к безрассудству. А оно, в свою очередь, влечет поражение.

– Так что управляет воронами?

– Узнаешь в свое время.

С этими словами Маллик тряхнул поводьями, побуждая своего гнедого подняться по склону, и скрылся за деревьями. Фэллон направила Грейс за спутником.

Она никогда раньше не бывала так далеко от фермы, но прохладный воздух и лесные запахи казались привычными и успокаивали. Тропинку пересекало множество следов: отпечатки оленьих копыт, лап пары енотов, койота и даже медведя.

Всадники перебрались через неширокий ручей. Вода весело журчала и перекачивалась по камням. Вслед нарушителям лесного покоя негодуяще заклекотала дикая индейка. Спустя некоторое время они повернули на восток и замедлили шаг лошадей, пустив их бок о бок.

– Сколько оленей пряталось в кустах возле ручья? – требовательно спросила Фэллон, когда Маллик повернул в ее сторону голову. – Что, если бы они оказались врагами? Ты смог бы точно назвать их количество?

– Четыре самки и два годовалых олененка, – спокойно отозвался собеседник.

– В чем была разница между оленятами?

– Один был самцом, другая – самкой, – с легкой улыбкой ответил Маллик.

– А помимо этого?

– Не могу сказать. – Теперь он удивленно приподнял брови.

– У одного болела передняя левая нога. Он берег ее. Ты что, не обратил внимания на их следы? Разве хороший тактик не должен знать, ранен ли враг?

– У тебя наметанный глаз в чтении следов. Если и луком владеешь так же, голодать зимой нам не придется.

– Я отлично стреляю. Отец научил. – Фэллон невольно поднесла руку к шее, дотрагиваясь до цепочки с медальоном в поисках утешения. – В любой момент я могу передумать и вернуться домой.

– Верно. Ты вольна прожить всю жизнь, какой бы недолгой она ни была, у себя на ферме, так и не приняв служения. А мир вокруг захлестнет океан крови, который в конце концов поглотит и твоих близких.

Фэллон ненавидела, всей душой ненавидела понимание – глубинное, всеобъемлющее, что Маллик говорит чистую правду.

– Почему именно я должна стать Избранной? Спасительницей мира? Не из-за меня все полетело к чертям, так почему именно мне выпало все исправлять?

– Mae genny ch atebion y tu mewn i chi.

– Что? Какой это язык?

– Я сказал, что все ответы находятся внутри тебя.

– Это не ответ. А просто еще один способ заявить, что я все узнаю со временем, – фыркнула Фэллон. Но, как бы ни хотелось ей игнорировать загадочного спутника, любопытство оказалось сильнее. – Так что это был за язык?

– Валлийский.

– Твой родной? Ты жил в Уэльсе? – Спрашивая, Фэллон пыталась вызвать в памяти карту и найти на ней названное место. Она обожала карты.

– Да. Ты знаешь, где он находится?

– В Великобритании. И граничит с одной стороны с Англией, а с другой – с Ирландским морем.

– Превосходно. Твои познания в географии удовлетворительны. В отличие от знания языков.

– С какой стати родителям учить нас валлийскому? Да они его и сами не знают. Кроме того, вряд ли мне придется когда-нибудь там оказаться. – Фэллон пылала от гнева и обиды за семью, слова сочлились ядом. – Они научили нас с братьями читать, писать и самостоятельно думать. Мы изучали математику, естественные науки, историю и географию. Учились читать карты и составлять их. В поселковую школу слишком часто ходить было нельзя, чтобы не привлечь к ферме внимание Мародеров и Темных Уникумов. Зато отец помогал соседям отражать их набеги и вместе с мамой научил нас сражаться.

– Родители научили тебя очень многому, – кивнул Маллик. – Например, магии и уважению к земле. И самому важному – преданности. Этот урок ты усвоила отлично.

– Этому нельзя научиться. Ты либо предан кому-то, либо нет.

– Как бы ни разнились наши взгляды, – собеседник тепло

улыбнулся девочке, – помни: моя преданность принадлежит тебе.

– Лишь по долгу, а это совсем другое.

– Ты права, – взвесив ее слова, отозвался Маллик. – Но преданность от этого не становится менее ценной. И я останусь верен тебе до конца.

Несколько миль они проехали в полной тишине. Вопросы копились в голове Фэллон, пока не прорвались наружу.

– Почему ты покинул Уэльс?

– Меня призвали.

Она вздохнула так протяжно и насмешливо, как умеют только тринадцатилетние подростки, вынужденные иметь дело с раздражающим высокомерием взрослых.

– Я бы поинтересовалась, кто именно тебя призвал, но уверена, что услышу очередное «узнаешь в свое время».

– Так и будет, поверь. Как и ты, я тоже когда-то был молод и точно так же дивился, по какой причине именно мне выпала сия доля. Поверь, я знаю, каково это – покинуть родной дом и семью.

– А у тебя есть дети?

– К сожалению, сей дар обошел меня.

– Но ты подарил мне плюшевого медведя.

– С твоей стороны было щедро передать игрушку младшему брату, оставить ему на попечение хоть толику себя.

Фэллон постаралась отбросить воспоминания об Итане, так как они грозили снова вызвать слезы.

– А еще ты подарил мне свечу и хрустальный шар, – вместо этого продолжила она. – В отличие от медведя, они не похожи на игрушки. Только мне под силу зажечь свечу. Иногда я это делаю. И она никогда не тает.

– Она предназначалась именно тебе.

– Ты ее сделал?

– Да.

– Мама говорила, что в хрустальный шар способна заглянуть только я, но, сколько бы я ни пыталась, ничего не выходит. Он ничего не показывает.

– Всему свое время.

– Где ты взял этот шар?

– Я сделал его для тебя. Игрушку же купил еще тогда, когда даже твоей матери не было ведомо о тебе. Дама в магазине заверила, что плюшевый медведь – наилучший подарок для маленькой девочки.

Фэллон внезапно поняла, что никогда еще ей не доводилось так долго беседовать с кем-то, помимо членов семьи. Это не смягчило ее отношения к Маллику, но опыт определенно был интересным.

– Чему ты планируешь меня учить? – с нажимом поинтересовалась девочка. – Да еще целых два года. Отец уже научил меня стрелять – из лука и из ружья – и сражаться врукопашную. Он раньше служил в армии в звании капитана. А мама рассказала все о магии, так как она сама ведьма, и очень сильная к тому же.

– Значит, они заложили прекрасную основу для дальнейшего обучения.

Внезапно Фэллон остановила лошадь.

– Ты это слышал?

– Да.

– Шум моторов. Причем нескольких.

– Неподалеку есть дорога, и иногда кто-то проезжает по ней. Поэтому мы держимся среди деревьев. Ты пока не готова к сражению.

Когда гул моторов стих и стал слышен лишь шорох листвы над головой, Фэллон спросила:

– А кто обучал тебя?

– Его звали Бран. Он был суровым наставником.

– Я смогу с ним познакомиться?

– Он покинул бренную землю.

– Умер от вируса?

Маллик тяжело вздохнул. Он давно смирился со своей долей наставника. Но кто бы мог подумать, что девочка окажется настолько полна вопросов?

– Нет, просто перешел в иной мир, и уже очень давно. Но пока Бран был рядом, он обучил меня очень многим вещам. Мы с ним много странствовали по чужим землям.

– До Приговора люди могли путешествовать повсюду на самолетах, – протянула Фэллон и заставила Грейс перепрыгнуть через поваленное дерево. – Я видела два таких и один вертолет – машину с лопастями сверху. Мама поставила над

фермой магическую завесу, чтобы люди из тех машин не заметили нас. Ведь внутри могли быть последователи Праведных воинов или Темные Уникумы. А ты когда-нибудь летал на самолете?

– Да, и мне совершенно не понравилось.

– А мне бы хотелось попробовать. – Фэллон запрокинула голову, пытаясь разглядеть небо сквозь гляцевую листву. – Думаю, было бы чудесно увидеть другие места. Где-то есть пляжи с белым песком и голубой водой до самого горизонта, а некоторые земли по полгода скованы льдами. Я хотела бы увидеть большие города со зданиями высотой с гору и горы выше самых высоких зданий. И пустыни, и океаны, и джунгли.

– Мир действительно полон чудес, – согласился Маллик и направил гнедого жеребца сквозь просвет в деревьях. Путники выехали на небольшую поляну, где ютилась крошечная хижина с маленьким навесом. Лес со всех сторон обступал жилище, ветви смыкались почти над самой крышей.

– Ты сказал, что нам ехать еще целый день.

– Так и есть. Здесь мы лишь заночуем.

– Осталось еще не меньше часа до захода солнца.

– Лошадям нужен отдых, еда и уход. Как и мне.

Маллик спешил и повел жеребца к навесу. Фэллон неохотно последовала примеру спутника, отметив про себя, что в загоне настелена свежая солома, приготовлены скребки и прочие инструменты, а в кормушки насыпано зерно.

– Чуть дальше к востоку течет ручей, – сообщил Маллик, протягивая ей ведро. – Нужно напоить лошадей.

– Что это за место? – спросила Фэллон.

– Это место, где мы остановимся на ночь, – отозвался мужчина и принялся ослаблять подпругу, чтобы снять седло. Девочка не сдвинулась с места, только молча стояла и смотрела на спутника. Тогда он вздохнул и пояснил: – Это охотничья хижина. Ее владелец работал сантехником и любил приезжать сюда с друзьями по праздникам и на выходные. Он пережил пандемию, однако оказался одним из тех, кого правительство забрало в закрытые лаборатории для проведения исследований. Там он и умер.

– Ты его знал?

– Нет, но в этом месте разлито достаточно энергии от множества счастливых моментов, чтобы я мог узнать о нем, – спокойно ответил Маллик и напомнил: – Лошадей нужно напоить.

Фэллон подхватила ведро и отправилась в указанном направлении. Пройдя не больше десяти ярдов, она обнаружила весело журчащий ручей и осмотрелась на новом для нее месте. Ель и дуб, старые сосны и совсем недавно выросшие тополя. С Маллика станется устроить экзамен и спросить, сколько деревьев растет в этом дурацком лесу. Или сколько раз прокуковала кукушка. Или сколько перьев у дятла.

Не переставая раздраженно пыхтеть, Фэллон наполнила ведро, вернулась к навесу и вылила воду в поилку. Потребов-

валось еще два раза прогуляться до ручья, чтобы наполнить деревянное корыто. К тому времени Маллик расседлал обеих лошадей и уже растирал полотенцем своего гнедого жеребца.

– Как его зовут? – спросила девочка, подхватывая чистую тряпку и подходя к Грейс.

– Гвидион², в честь могучего мага и воина.

– А я назвала свою Грейс в честь королевы пиратов, – поделилась Фэллон и добавила, осматриваясь: – Навес выглядит новее, чем хижина.

– Я соорудил его несколько месяцев назад.

– Кажется, построено на совесть.

Проверив копыта лошади и убедившись, что животные напились и лакомятся зерном, Фэллон закинула на плечо сумку с вещами, взяла пакет с едой, собранной матерью в дорогу, и направилась следом за Малликом. Рюкзак у того выглядел совсем легким.

В приземистую квадратную хижину вело узкое крыльцо с единственной низкой ступенькой. Сбоку от него, в окружении гальки, стояла грубо высеченная каменная фигура. Женская, как поняла Фэллон.

Маллик остановился перед изваянием, достал флягу и вылил несколько капель воды на гальку.

– Подношение и дань уважения богине, – пояснил он под-

---

² Гвидион (*валл.* Gwydion) – в валлийской мифологии маг, появляющийся в Четвертой ветви Мабиноги и старинной поэме «Битва Деревьев».

опечной.

– А она дарит защиту или благословение? – уточнила та.

– И то и другое, зависит от желания. Это Эрнмас. – Маллик заметил, что Фэллон непонимающе нахмурилась, и вздохнул. – Это богиня-мать. Она тоже из рода Туат Де Данн, как и ты. Твой предок, твоя плоть и кровь. Ты хоть что-то знаешь о собственном происхождении?

– У нас на ферме было несколько книг по мифологии, но в основном по римской и греческой. Ты же не можешь всерьез полагать, что я поверю в родство с богами. Это же просто легенды.

– Подобное невежество не делает тебе чести. – Маллик взошел на крыльцо и взмахнул рукой. Порыв ветра тут же распахнул дверь настежь. – Неужели ты думаешь, что у магии – как темной, так и светлой – нет источника? Истории и цели? Ты обязана своими силами тем, кто существовал до тебя. Тем, кто сражался и лечил, кто проявлял жестокость или сострадание. – Он покачал головой. – Судьба всего мира возложена на плечи юного создания, которому почти ничего не известно.

Когда спутник скрылся в хижине, Фэллон закатила глаза, фыркнула и повернулась к статуе богини:

– Ну и откуда я должна была это знать?

Затем оскорбленная девочка протопала в хижину, намеренно громко хлопнув дверью.

Внутри почти все пространство было одной открытой

комнатой с камином и кухней. Окна выходили на восток, к ручью. Должно быть, по утрам здесь все заливал солнечный свет.

Большой и уродливый диван, накрытый пледом в черно-коричневую клетку, был повернут к телевизору, который висел над каминной полкой. На ферме тоже был телевизор. Раз в неделю вся семья Свифт устраивалась перед экраном и включала фильм на диске.

Фэллон обожала эти вечера почти так же сильно, как и карты. И те и другие переносили ее в совершенно иной мир.

Завершали интерьер два кресла с такими же покрывалами, тумбочка с лампой, на основании которой по дереву карабкался черный медведь, люстра с изображением какой-то телеги или фургона на плафоне и круглый обеденный стол с четырьмя стульями. Мебель расставлял какой-то неумеха, и она ужасно загромождала пространство. Не говоря уж о том, что выглядела кошмарно.

Фэллон отнесла пакет с продуктами на кухню и опустила на серо-белую стойку.

– Твоя комната – та, что слева. Разожги камин и разложи вещи, – велел Маллик.

«Что ж, не ты один умеешь выпендриваться», – злорадно подумала девочка.

Она повернулась к каменному очагу, мельком взглянула на сложенные аккуратной горкой дрова, и те немедленно вспыхнули.

– Я не глупая! – торжествующе объявила Фэллон.

– Невежественная, – поправил ее Маллик. – Слышала выражение: нельзя научить глупца? Это, пожалуй, правда. Зато невежество поправимо. Для этого лишь нужно усердно заниматься. Отнеси вещи в свою комнату, затем набери дров для камина. Поленница находится за домом. Это нужно сделать до темноты.

– А ты что будешь делать?

– Я планирую устроиться на диване и выпить бокал вина. А как вернешься, разделю трапезу, приготовленную твоей матерью.

Когда Фэллон скрылась в своей комнате, Маллик посмотрел на яркие, теплые языки пламени в камине и улыбнулся.

Глава 4

Упрямство вкупе с оскорбленным достоинством подталкивали Фэллон устроить забастовку: запереться в этой дурацкой спальне с двумя дурацкими кроватями, накрытыми не менее дурацкими клетчатыми пледами. Но голод и желание справиться нужду перевесили.

Так что уставшая после длинного дня пути девочка решила все же заняться делами: найти туалет и поужинать. Но никто не заставит ее проявлять дружелюбие или вежливость по отношению к Маллику. Он обозвал ее глупой, вернее, простите, *невежественной*. Преклонный возраст не давал ему права грубить, а потому и сам он любезности не дождетсся.

Ванная находилась прямо напротив спальни Фэллон. Она заперла дверь, проверила, течет ли вода, повернув кран над раковиной, и почти с разочарованием увидела тонкую струйку. Похоже, Маллик позаботился об удобствах, так что применять магию не требовалось.

Унитаз слегка качался, но тоже исправно работал.

Фэллон несколько секунд внимательно рассматривала свое отражение в зеркале. Накануне ей не удалось как следует выспаться, и предыдущей ночью тоже. Поэтому под глазами залегли тени, а щеки казались бледнее обычного.

Внешний вид не слишком волновал Фэллон, однако ей хотелось выглядеть сильной, а потому она нанесла легкие чары

и кивнула отражению. Вот так, не слабая и не невежественная.

Затем она решительно направилась за дровами, пройдя мимо Маллика. Тот сидел на диване перед камином и потягивал вино. Раздраженная девочка на этот раз не хлопнула дверью, но закрыла ее с ощутимым *нажимом*.

Солнце клонилось к горизонту. Между деревьями просачивалась мягкая предзакатная дымка. Воздух был пронизан ощутимой прохладой и запахом дыма. Осень приближалась, несясь во весь опор.

Дрова ночью определенно понадобятся. Однако сначала Фэллон решила прогуляться по лесу, чтобы размять затекшие мышцы, которые ныли после нескольких часов, проведенных в седле.

Сперва она заглянула к лошадям. Те уже дремали. Однако девочка все равно прижалась щекой к шее Грейс, ища утешения у родного существа, пахшего домом. Гнедой жеребец Маллика скосил на нее карие глаза, умные и добрые. Она погладила мягкий нос, подумав, что такой красавец заслужил более приятного хозяина.

Фэллон оставила лошадей отдыхать, направилась к ручью и зашагала вдоль его извилистых берегов. Спустя какое-то время она подняла голову и заметила стоящего на стволе поваленного дуба оленя. Еще пять животных пробирались по скользкой тропинке от водопоя обратно в лес, как призраки растворяясь среди деревьев.

Интересно, каково было бы просто продолжать бездумно идти вперед и вперед? Стать свободной, как те олени? Жить в лесу, бродить везде, где вздумается. Не заботиться ни о чем, кроме собственных желаний и потребностей...

Фэллон представила: некому приказывать, что, когда и как делать. Никто не ожидает от нее невозможных свершений. Она предоставлена сама себе.

Она прислонилась к дереву и прижалась щекой к шершавой коре. Прислушалась к течению соков внутри ствола. Закрыла глаза и различила сердцебиение оленя на другом берегу неширокого ручейка, пение воды и пульс земли.

Вокруг все дышало жизнью. И Фэллон чувствовала эту жизнь внутри себя. Перед мысленным взором она видела пролетающую в небе птицу, сердце которой колотилось быстро и часто. А в глубине леса сова дремала в дупле, ожидая наступления ночи, чтобы начать охоту.

Став единым существом с лесом, девочка еще сильнее замурилась и поняла, что больше не хочет просто уйти и вечно жить в лесу. Она хотела ощутить спокойное дыхание родных: матери, отца, братьев. Но они были слишком далеко.

– Это всего лишь первый день, – напомнила она себе. – Уж один-то день я в состоянии выдержать. А потом могу передумать и отправиться домой в любой момент. Хоть завтра.

Немного успокоенная этой мыслью, Фэллон открыла глаза, развернулась и зашагала обратно в сторону хижины.

Сквозь стволы деревьев на западе пылало заходящее солн-

це. Этот свет отражался в ее душе. Когда последние лучи заката догорели, Фэллон зашла в дом, неся охапку дров.

* * *

Подростки, даже если они произошли от богов, отлично умеют дуться. К возвращению подопечной Маллик уже накрыл на стол, но ела она молча, сохраняя враждебный вид. Даже пирог, испеченный матерью, лишь расстроил Фэллон. Лакомство напоминало, что она находится вдали от семьи и не увидит родных еще два года.

Если бы Маллик сделал хоть одну попытку развеселить спутницу, то печаль немедленно обернулась бы вспышкой ярости. Скорее всего, он это знал, поэтому тоже сохранял молчание, не сказав ни слова за весь ужин.

Получив приказ помыть посуду, Фэллон без возражений прибралась, сложила остатки продуктов и навела порядок. Все это время Маллик сидел возле камина и читал. Несмотря на любопытство, она не спросила названия книги, а ушла в спальню, заперла дверь и из чувства противоречия наложила на замок защитные чары.

Несмотря на то что волшебная свеча и хрустальный шар всегда дарили утешение в минуты печали, Фэллон не стала их доставать из-за того, что они были получены от Маллика. В эту минуту ей казалось, что он, и только он, в ответе за все ее несчастья.

Она забралась под одеяло с любимым «Королем чароде-ев», подсвечивая страницы магией. Но знакомые с детства слова лишь разбредили душевную рану.

Отложив в сторону книгу, Фэллон лежала в темноте и жалела, что не додумалась поискать в хижине еще что-нибудь почитать. Старые журналы и газеты всегда будили интерес жадной до новых знаний девочки. Она не думала, что сумеет заснуть этой ночью, и планировала провести время, припоминая малейшие проступки Маллика. И даже предвкушала это.

Но провалилась в глубокий сон, даже не почувствовав его приближения, и не пробудилась ни когда лунный свет упал на лицо, ни когда крошечные феи принялись танцевать за окном.

Очнулась Фэллон перед самым рассветом, когда первые лучи солнца уже позолотили небо. Первой ее реакцией стал стыд за такой глубокий и долгий отдых. А потом вспомнились слова матери о том, что раненному сердцу нужен целительный сон для восстановления после потрясений.

Не поднимаясь с постели, девочка потянулась к подвеске, провела пальцем по кольцу и медальону и представила, как дома в это время отец уже встает и спускается на кухню, чтобы сделать кофе из зерен, выращенных на тропической половине фермы. А мама уже суетится, готовя завтрак.

Вся семья Свифт к рассвету уже просыпалась. Дела не ждали. Нужно было кормить животных, собирать яйца и де-

лать множество других вещей.

Хлопоты по хозяйству, уроки, запах свежей выпечки, поездки в поселение или на соседние фермы для обмена товарами. И даже свободное время, чтобы почитать, покататься на лошади или поиграть. Все это осталось далеко позади.

Где будет находиться сама Фэллон, пока ее родные занимаются домашними делами?

Она поднялась, следуя въевшейся привычке вставать рано, натянула ботинки, вышла в общую комнату. Подбросила дров в камин, где едва заметно тлели угли, и отправилась задать корм лошадям.

Фэллон наблюдала за восходом солнца, как вчера наблюдала за закатом.

К ее возвращению Маллик уже вскипятил воду, разлил по кружкам крепкий чай и по-походному, на сковороде над огнем, пожарил яйца с беконом.

– Доброе утро, – поприветствовал он подопечную. – Выезжаем сразу после завтрака.

– Хорошо, – скупно кивнула она, взяла чай, заваренный крепче, чем ей нравилось, и горьковатый без меда, который она любила.

Фэллон сразу же пожалела, что не сообразила взять в дорогу баночку меда, но смирилась с этим и приступила к еде, придвинув тарелку, поставленную на стол Малликом.

Тот устроился рядом, не пытаясь больше заговорить. Угасшая за ночь неприязнь к будущему наставнику и поряд-

ком надоевшая тишина подтолкнули Фэллон к тому, чтобы начать беседу самой.

– У тебя нет ни жены, ни детей?

– Все верно.

– Из-за того, что ты предпочитаешь компанию мужчин?

– Нет. – Маллик отвечал, не отрываясь от завтрака. – Мой долг, мое предназначение, моя судьба – вот моя супруга.

– Кому какое дело, если во время исполнения долга кто-то согреет тебе постель?

– От меня требуется безоглядная преданность Избранной. – Мужчина перестал есть и прямо посмотрел на Фэллон. – Однако супруги и возлюбленные тоже заслуживают преданности. И эти чувства могут вступить в противоречие.

– Родители могут быть преданны друг другу и в то же время – своим детям, – опровергла она его объяснение. – Как в нашей семье.

– Такова природа любви. Она гораздо сильнее, чем долг или присяга.

– Разве ты никогда никого не любил?

– Была одна девушка с яркими глазами и волосами, подобными языкам пламени. Не знаю, можно ли назвать это любовью, но я испытывал к ней тягу. Мое сердце колотилось, как безумное, стоило мне лишь посмотреть на нее. Если же удавалось вызвать ее улыбку, то я чувствовал себя самым богатым парнем на свете. И точно знал: если она когда-нибудь коснется моей щеки, я умру абсолютно счастливым.

– Никто не умирает от любви, – рассмеялась Фэллон.

– Это не так, дитя. Иногда сильные чувства приводят к страшным последствиям. Поэтому я так и не ощутил ее прикосновения. Я сделал свой выбор.

– Пожалуй, ты действительно любил ее, раз помнишь даже тогда, когда стал старым, – глубокомысленно заключила девочка, пережевывая последний кусок. – Кстати, а сколько тебе лет?

– Я родился в третий день третьего месяца шестьсот семьдесят первого года, – ответил Маллик, откидываясь назад и заглядывая в глаза Фэллон.

– Да ладно! – снова рассмеялась она и по привычке потянулась к чужой тарелке, чтобы убрать ее. – Если не хочешь говорить, просто...

– Меня произвела на свет ведьма, а зачал солдат, в венах которого текла эльфийская кровь, – схватив собеседницу за руку, отчеканил Маллик. – Отца я не помню, ибо он погиб в бою, едва меня отняли от груди. Я был единственным сыном, и моя мать рыдала, как и твоя, когда узнала о грядущем служении. Мы провели вместе немногим больше десяти лет. Еще десять лет наставник обучал меня, тренировал, показывал мне мир. И еще десять лет заняли отработка навыков и отшельничество.

– Что... – начала было Фэллон, но Маллик прервал ее, подняв ладонь и призывая к молчанию.

– Позволь закончить. После этого я погрузился в сон. Го-

ды шли, мир менялся, магия угасала либо исчезала вовсе из-за гонителей, хулителей и неверующих. Однажды меня пробудил звук единственной капли крови, прорвавшей первую завесу. Преграда разрушилась от принесенной жертвы. И мое время потечет снова, когда ты применишь свое предназначение.

– Хочешь сказать, ты бессмертный? – спросила Фэллон, понимая, что верит Маллику, и эта вера заставила сердце биться быстрее.

– Нет. Нет, отнюдь. У меня идет кровь. И моей жизни положен предел, как жизни любого человека. Однако я был призван, чтобы учить, тренировать и защищать Избранную, которая возьмет меч и щит, которая принесет с собой свет и восстановит равновесие. Я согласился. Принес обет. Сделал свой выбор. И никогда не нарушу данную клятву. Никогда не предам тебя.

Маллик встал из-за стола и сам принялся мыть тарелки.

– Что за первая завеса и как она могла исчезнуть от капли крови? Сколько всего таких преград? И где они находятся? Как...

– Узнаешь в свое время. Теперь же бери вещи и седлай лошадей. А я закончу мыть посуду.

– Ответь хотя бы на один треклятый вопрос! – потребовала Фэллон.

– Так задай правильный.

Она поколебалась, а затем выпалила тот, что тяготил ее

сильнее всего:

– А что, если я недостаточно сильна и умна, чтобы исполнить предназначение?

– В этом случае я потерпел бы неудачу. Но в мои планы это не входит. Не мешкай, впереди еще долгий путь.

* * *

Следующая пара часов прошла в полной тишине. Фэллон молчала не потому, что затаила обиду на спутника, а потому, что напряженно размышляла. Она знала, что некоторые существа, например феи, могли жить очень долго. Старая Лилиан утверждала, что ей исполнилось уже сто двадцать лет. Да и эльфы старели очень медленно. Что же до детей смешанных кровей... С момента Приговора прошло пока слишком мало времени, чтобы делать выводы.

Но Фэллон никогда не слышала, чтобы кому-то удалось прожить больше тысячи лет. Маллик говорил, что спал, пока шли годы. Было ли это похоже на зимнюю спячку у животных? И почему его призвали так давно, чтобы обучать кого-то, кому предстояло родиться лишь спустя пятнадцать сотен лет?

Его рассказ только сильнее запутал Фэллон. Непонимание – это не невежество, убеждала она себя. Это всего лишь непонимание.

Путники ехали через лес, пересекали поля и луга, иногда

пользовались дорогами. Вдоль некоторых до сих пор стояли брошенные машины. Время от времени всадники миновали отдельно стоявшие дома, изредка встречали людей и даже проехали через поселение более крупное, чем то, которое знала Фэллон, – с разнообразными зданиями и местами, где продавали бензин для машин и еду для путников.

Хотя чаще всего Маллик держался вдали от дорог и зданий, Фэллон посматривала в их сторону с любопытством. Она изучала карты, глобусы и атласы. Видела фильмы с отрывками прошлых жизней, прежнего мира, который казался таким далеким, необычным и интересным.

Но стоило самой отправиться в путешествие, как границы раздвинулись, и все вокруг стало выглядеть намного крупнее и шире, чем представлялось раньше. А ведь они проехали совсем немного...

Фэллон не могла вообразить, что когда-то машины бесконечным потоком неслись по этим широким дорогам, автострадам. Как можно было населить людьми такие огромные пространства?

Это казалось невероятным, как фантастическое кино.

– Ты видел прежний мир? – спросила Фэллон. – Когда еще существовали толпы людей, машины, самолеты?

– Да, – кивнул Маллик. – И поражался бесконечным чудесам, хотя и смотрел на все через хрустальный шар.

– А есть ли у меня на самом деле выбор? Могла ли я отказаться от предназначения?

– У тебя всегда есть выбор. Я никогда не предам тебя и не стану лгать.

– Тогда скажи, как вышло, что тебя призвали много веков назад, еще до машин, самолетов и толп людей? Задолго до того, как я родилась?

– Силы, во много раз превосходящие мои и даже твои, предвидели, что настанет подобная необходимость. Людям, даже с магией в крови, свойственно желать мира, но готовиться к войне. А тьма всегда стремится поглотить свет, развязать сражение, посеять страх. Если бы той зимней ночью завеса уцелела, я мог бы проспать еще тысячу лет, пока не пришло бы время родиться Избранной. Но однажды это непременно случилось бы.

– Ты видел сны? – немного помолчав, поинтересовалась Фэллон.

– Я провел целую жизнь во сне, – слегка улыбнулся Маллик. – И наблюдал, как меняется мир, учился даже в забытии.

– Похоже, отдых выдался не слишком спокойным.

– Нет. – Собеседник неожиданно рассмеялся, искренне и от души. – Сон мой был отнюдь не спокойным.

Легким галопом путники пересекли подготовленное под посевы поле, затем поднялись по пологому склону и выехали на залитую гудроном проселочную дорогу.

– Далеко еще? – нетерпеливо спросила Фэллон.

– Не менее двух часов быстрого хода. К ночи соберется дождь, но мы должны прибыть на место задолго до него.

– Непогода настигнет нас раньше, чем ты говоришь.

– В самом деле? – Маллик бросил на подопечную внимательный и немного насмешливый взгляд.

– Мы скачем на юго-восток, а ветер дует с востока и несет грозовые облака. Если не изменим направления и скорости, то попадем под дождь не позднее чем за час до заката. – Фэллон небрежно пожала плечами. – Фермеры умеют определять погоду. Остальное – простая математика.

– Хм, – приподнял брови мужчина и тронул жеребца.

– Кто-то...

Слова застыли у нее на языке, когда Маллик вскинул руку, призывая к молчанию. Он тоже услышал приближающийся гул двигателей и проклял себя за решение поехать по этому участку дороги, чтобы сэкономить время. Скрыться было решительно негде.

Пока он раздумывал, не отправить ли Фэллон обратно в поле, три мотоцикла преодолели подъем и устремились навстречу путникам.

– Если я велю уносить ноги, пускай Грейс галопом и возвращайся туда, откуда мы приехали. Потом я тебя сам разыщу.

– Но тогда ты останешься один против шестерых, – возразила Фэллон, чувствуя, как что-то внутри ее дрожит от страха, в то время как что-то другое предвкушает сражение.

– В мире существует единственная Избранная. Делай, как я сказал. Не говори ни слова, и если велю уезжать, гони во

весь опор.

Неизвестные приближались, сидя по двое на мотоцикле. Фэллон отметила, что у троих оружие висело на поясе, а остальные имели при себе ружья. Четверо мужчин, две женщины.

Мародеры. Это можно было определить по символам, изображенным на бензобаках.

Предводитель группы в черной бандане и с подвеской в виде черепа остановил мотоцикл поперек дороги, преграждая путь всадникам. Каштановая борода была заплетена в две длинные косы.

На женщине за спиной главаря тоже красовалось черное облачение. По лицу у нее тянулся шрам, а глаза скрывались под темными очками.

Она перебросила ногу через сиденье, скинула с плеча винтовку и наставила ее на наездников. Намек был очевиден.

Фэллон обвела взглядом всю банду, стараясь отогнать страх. Мародеры заглушили двигатели и замерли в ожидании действий главаря. Тот слез со своего мотоцикла и приблизился к путникам.

– Так-так, и кто тут у нас?

– Мы с внучкой едем на юг, чтобы наняться на работу.

– Правда? Ребята, слышали? – Бородач обернулся к товарищам. – Они ищут работу.

Один из Мародеров со второго мотоцикла опустил темные очки на нос и с сальной ухмылкой подмигнул Фэллон.

Она тут же почувствовала себя так, словно искупалась в грязи.

Если придется драться, первой нужно будет обезвредить женщину с винтовкой, а потом настанет черед этого мерзавца.

Фэллон решила, что ни за что не оставит Маллика одного. Не с такой расстановкой сил.

– А что в сумках? – лениво спросил вожак.

– Последнее наше имущество. – Умоляющие нотки в голосе наставника неприятно поразили девочку. – Чуть больше, чем ничего.

– Тогда вы прекрасно обойдетесь и просто ничем, – расхохотался бородач. – Слезай с коня, папаша. И ты тоже, милашка.

– Пожалуйста. Она же еще совсем дитя.

Вторая женщина достала пистолет из кобуры и крикнула:

– Быстро спешивайтесь, или я стреляю!

– Эй, не попорти свежее мясо, – упрекнул ее тот, что подмигивал. Он слез с мотоцикла и почесал в паху. – У меня есть для нее работенка.

Мародеры дружно расхохотались. Фэллон содрогнулась от омерзения. Кровь в ее жилах застыла, а в голове стало пусто.

– Вас шестеро, – презрительно бросила девочка, спешиваясь, – на нас двоих.

– Скоро вас станет на одного меньше, – процедил главарь,

обнажая нож, и бросился на Маллика.

Все произошло так быстро, что Фэллон даже не успела отреагировать. А ведь она думала, что готова к сражению!

Кулак Маллика врезался в лицо бородача, будто кувалда, отбрасывая Мародера на женщину с винтовкой. Они оба повалились на землю. Другой рукой Маллик метнул сгусток ветра, который отбросил вторую женщину с оружием футов на двадцать назад. Когда она приземлилась на дорогу с отвратительным хрустом, Маллик обнажил меч.

Двое мародеров устремились к неожиданно проворной жертве, третий же пару секунд выждал, а затем бросился на Фэллон.

Она вытащила из подаренных Трэвисом ножен оружие и, не задумываясь, окутала лезвие огнем.

– Гребаный Уникум, – процедил противник, доставая из кобуры пистолет. – Пули всегда быстрее, поняла, шлюха? Всегда!

– Нет, не всегда, – возразила Фэллон, разрезала ножом воздух, и оружие в руках врага тут же взорвалось языками пламени.

Пока Мародер кричал, бросив пистолет и пытаясь сбить огонь с рукава, она нанесла один из первых ударов, которым научил ее отец. Коленом в пах.

Когда противник повалился на землю, Фэллон резко обернулась, чтобы броситься на помощь Маллику. Тот стоял с окровавленным мечом.

Двое поверженных врагов лежали мертвыми. Еще трое были серьезно ранены. Тот Мародер, что подмигивал, теперь стонал и катался по дороге, прижимая к себе обрубок руки.

– Собери их оружие, – велел Маллик и нагнулся, забирая пистолет и нож убитого главаря.

Она подошла ко второму мертвецу и забрала ружье, стараясь унять дрожь в руках и подавить дурноту, которая накатывала от пережитого волнения и при виде трупа.

– А у этого пистолет так расплавился, что его нельзя использовать.

Маллик посмотрел на Мародера, который стонал чуть поодаль, и только хмыкнул, как и в ответ на ее комментарий о дожде, а затем закинул на плечо две винтовки, рассовал остальное оружие в сумки и запрыгнул на гнедого жеребца. Фэллон последовала примеру наставника.

– Ты не скомандовал уезжать, – заметила она.

– А ты бы послушалась?

– Нет.

– Так зачем мне было тратить время?

– Ты мог не справиться со всеми.

– Это уже неважно. Должен отметить твою смелость. Ты хорошо сражалась со своим противником.

– Нельзя оставлять их вот так... Выжившие могут позвать на помощь или проследить за нами...

– Мы не станем убивать безоружных раненых людей.

– Нет, но... – Фэллон вскинула руку, и шины на мото-

циклах окутались языками пламени. – Без транспорта они не сумеют последовать за нами, да и навредить другим будет сложнее.

– Отличная идея, – кивнул Маллик, удовлетворенно наблюдая, как один за другим мотоциклы валяются на землю. – Здравая тактика.

– Здравый смысл, – поправила Фэллон. В горле пересохло, но она все же выдавила: – Мародеры убили бы тебя. А меня сначала изнасиловали, а потом убили. Либо забрали с собой, чтобы насиловать дольше, но в конце концов все равно убили бы. Лошадей же оставили бы, если бы хотели использовать, но, скорее всего, пустили бы на мясо.

– Да. Вне всякого сомнения.

– Ты убил двоих. Может, троих, потому что одна из женщин серьезно ранена. Наверняка остальные бросят ее умирать.

– Тебя беспокоит, что я отнял их жизни?

– Нет. Да. – Фэллон и сама точно не знала, как объяснить. – Пожалуй, сначала меня это действительно беспокоило, пока... Мародеры бы убили нас. Не защищаясь, а лишь потому, что могли так поступить. И хотели. Если бы мы были обычными путниками, ты уже был бы мертв, а я... Мы поступили правильно. Сделали верный выбор.

– Это они сделали неверный выбор, – поправил Маллик. – Запомни этот урок.

Она кивнула и внимательно посмотрела на него.

– Раньше у тебя не было меча.
– Неужели?
– Думаю, я бы заметила.
– Необходимо смотреть, чтобы видеть, – заявил Маллик
и пустил жеребца галопом.

* * *

Они не снижали темпа, пока впереди не показалось поселение. Затем свернули с дороги и скакали, не останавливаясь, пока не въехали в маленький городок. Большие здания выглядели одинаковыми и плотно жались друг к другу. Почти все окна на первых этажах были заколочены. Многие дома носили следы поджога. Олени щипали выросшую по колено траву. По пустым улицам гулял ветер.

Однако спустя несколько минут Фэллон заметила мелькнувшую тень в одном из домов. Значит, не все они стояли заброшенными.

– Почему местные жители не возделывают землю, не выращивают урожай?

– Не все знают, как это делается, – ответил Маллик. – Некоторые предпочитают прятаться, лишь иногда выбираясь наружу, чтобы достать еду. Страх держит их взаперти.

Фэллон думала над словами спутника, пока они двигались по городу. Она насчитала больше сотни домов, расположенных близко друг к другу, что обеспечивало эффективную

оборону. Земля же, вполне пригодная для обработки, простаивала впустую.

Однако это место подходило для организации форпоста или поселения, так что Фэллон сделала очередную пометку на воображаемой карте, как поступала уже с несколькими городками по дороге.

Вскоре путники вновь углубились в лес. Повсюду из земли выступали скалы, а потому тропинка сильно петляла. Фэллон слышала журчание речушки раньше, чем увидела ее. Маллик направил гнедого вдоль извилистого русла.

Вскоре река стала шире, вода пенилась и бурлила на камнях. Поток стремительно обрушивался с высоких скал, наполняя лес ровным шумом.

Фэллон заметила нескольких фей, которые танцевали в радугах, возникавших при попадании солнечных лучей на брызги.

За водопадом река разливалась, а гул стихал. Маллик остановил коня на большой поляне. Со всех сторон ее обступали древние деревья. Мох покрывал поваленные стволы, на скоплении валунов рос лишайник.

Когда мужчина спешил, Фэллон подумала, что он желает дать отдых лошадям, и сделала то же самое.

– Должно быть, мы уже скоро прибудем на место, – предположила она. – Можно напоить животных, дать им походить, чтобы остыли, и шагом повести дальше.

– Мы уже прибыли.

– Что? Здесь? – Фэллон не имела ничего против жизни в лесу, но ее обескураживала сама мысль об отсутствии какого бы то ни было убежища на протяжении двух лет. – Мы что, разобьем лагерь?

Ничего не ответив, Маллик отдал подопечной поводья своего жеребца и шагнул вперед, после чего поднял руки ладонями наружу на высоту плеч. Несколько секунд ничего не происходило, лишь ветер шептал в ветвях деревьев да от водопада доносился слабый шум. Косые лучи клонящегося к горизонту солнца проникали сквозь листву и заливали поляну золотистым светом. Тени метались по колышущейся траве.

Затем в воздухе раздалось гудение разбуженных сил. Фэллон почувствовала магию, волосы на руках и затылке встали дыбом. Лошади тоже ощутили присутствие древней мощи и беспокойно заметались. Пришлось натянуть поводья, призывая их к послушанию.

На побледневшем лице Маллика залегли тени. Внезапно взметнулся ветер, встрепав волосы двух путников и гривы коней. Свет и тьма поменяли очертания. Возникло впечатление, что за рифленным стеклом скрывался размытый набросок.

Маллик резко развел руки.

– Откройся, сокрытое, – прогремел его голос. – Завеса, пади. Пропусти Избранную.

Размытая картина проступила четче, обрела форму, раз-

меры и цвет.

На поляне возник дом с соломенной крышей и светло-коричневыми стенами. Меньше, чем ферма Свифтов, больше, чем лесная хижина. Окна выходили на запад. В небольшую конюшню с покато́й крышей вели двустворчатые двери. Поблизости виднелась теплица. На ее стекле играли лучи солнца.

Над всеми дверями были вырезаны защитные руны.

Рядом с крыльцом, как и в лесной хижине, красовалась статуя богини.

Фэллон не раз видела, как мать использовала магию, да и сама неоднократно прибегала к своим способностям. Но она никогда не становилась свидетелем такой мощи, которая требовалась, чтобы скрыть целую поляну.

– Позаботься о лошадях, – велел Маллик. – Они проделали долгий путь.

– Ты выглядишь уставшим.

– Снимать завесу сложнее, чем набрасывать, – пояснил он, после чего напомнил: – Не забудь о лошадях, а потом проходи внутрь.

Он взял свои вещи, ушел в дом и закрыл за собой дверь.

Глава 5

Фэллон позаботилась о лошадях, не сочтя это поручение слишком сложным. Хотя в конюшне было всего два стойла, все скребки и щетки висели на местах, а соломенный настил выглядел совсем свежим. Ни Грейс, ни Гвидион не стали возражать против сена. А воду не составило труда наносить из реки.

Оставив лошадей, Фэллон подхватила сумку с вещами, взятое у Мародеров оружие и пакет с оставшимися продуктами, направилась в дом, но возле крыльца помедлила, вытащила флягу и вылила несколько капель воды к ногам статуи. И только затем открыла дверь.

Изнутри жилище казалось просторнее, чем снаружи. Это вызывало странное чувство дезориентации. Потолок находился гораздо выше положенного, а стены будто раздавались вширь.

Перед очагом, где уже весело плясали языки огня, стояли два приземистых кресла. Вместо дивана центр комнаты занимала широкая скамья с темно-коричневым кожаным сиденьем. На столе горели свечи в железных подсвечниках. Шершавые деревянные доски пола покрывал тканый ковер.

В задней части большой общей комнаты размещалась кухня со вторым очагом чуть меньшего размера. Стол для готовки стоял рядом с раковиной. Над ней находилось окно. С

притолоки и крючков свисали пучки сушеных трав. На широкой полке красовались пузатые банки с ягодами, грибами, семенами и кореньями.

Фэллон понадеялась, что наставник планирует наколдовать плиту и холодильник. А также позаботиться об электричестве.

Но сейчас хозяин дома сидел у огня с бокалом напитка, по виду напоминавшего вино.

– Твоя комната – с окном на юг, – сообщил Маллик. – Оставь оружие на столе. Когда разместишься, возвращайся для совместной трапезы.

– Но на кухне нет плиты и духовки!

– Зато есть очаг.

– И холодильника не видно.

– В углу стоит сундук. Я зачаровал его, чтобы еда внутри не портилась.

– А где ванная? – с неприятным предчувствием спросила Фэллон.

– Туалет находится в задней части дома. Чтобы помыться, в твоём распоряжении есть река либо вода из колодца.

– Не может быть! Ты издеваешься?

– Не сомневаюсь, что однажды ты окажешься в местах, где не будет привычных удобств. Пора привыкать.

– Обучение ещё не началось, а мне уже здесь не нравится.

Фэллон бросила оружие на стол и недовольно поплелась к себе в комнату, чувствуя скорее ужас и неверие, чем злость.

Неужели здесь действительно нет даже *ванной*?

Еще один повод передумать и вернуться на ферму.

Войдя в крошечную спальню, девочка с облегчением выдохнула: тут хотя бы не было двухъярусных кроватей и безвкусных пледов. Постель представляла собой узкую лежанку на четырех ножках и с матрасом поверх. Но одеяло выглядело толстым и теплым.

Вместо комода в комнате стоял сундук, но девочке понравилась его форма, как понравилось и изображение трех женщин – видимо, богинь – на стене. На тумбочке стояла масляная лампа, на полу лежал тканый коврик, а в зеркальце над кроватью отражалось усталое нахмуренное лицо Фэллон.

За окном без занавесок виднелся лес. Она заметила каменный колодец и недовольно подумала, что могла бы натаскать воды лошадям оттуда. Но Маллик не позаботился о нем упомянуть.

Чуть поодаль находился курятник, так что свежими яйцами они были обеспечены. А еще, к удивлению девочки, на поляне паслась корова.

Значит, хозяин дома позаботился о пристройках, но даже не подумал о приличной ванной?

Бросив сумку на пол, не распаковывая вещи, Фэллон решительно вернулась в общую комнату и набросилась на Маллика с претензиями:

– Я хочу нормальную ванную. Мы же не в седьмом веке живем!

– Значит, придется прилежно учиться, дабы создать ее. Пока же у нас имеется достаточно, чтобы ты могла сделать рагу на ужин. Ты найдешь все необходимое в морозильном сундуке и посудном шкафу.

– Ты хочешь, чтобы я готовила? – с удивлением уточнила Фэллон: удары следовали один за другим.

– Я обеспечил завтрак, – напомнил Маллик, нарезая буханку хлеба. – А на обед сделаю бутерброды с сыром. Твоя мать – исключительный повар и наверняка научила тебя готовить.

– А чем будешь заниматься ты?

– Есть. У нас есть корова, дающая молоко, курицы, несущие яйца, в лесу можно охотиться и собирать ягоды и грибы. Овощи на двоих обеспечит теплица. Этого вполне достаточно, чтобы хорошо питаться.

– Нужно построить улей, – проворчала Фэллон, принимая от собеседника бутерброд с сыром. Она была голодна, поэтому еда вмиг исчезла. – Нам нужен мед. Если только у тебя нет другой замены сахару. А откуда берутся мука, соль, дрожжи и закваска для теста?

– Я вымениваю их. Будем ухаживать за посевами и скотом вдвоем. Про ульи я ничего не знаю, так что сия задача ляжет на твои плечи, а потом ты объяснишь мне, как заботиться о пчелах.

Некоторое время они молча ели, меряя друг друга взглядами.

– Поляна слишком маленькая, чтобы вместить дом, конюшню и другие постройки, – наконец заговорила Фэллон. – А дом слишком маленький, чтобы вместить все внутренние помещения. Ты научишь меня создавать такие иллюзии?

– Именно для этого ты здесь.

– Если я останусь, то хочу иметь нормальную ванную. С туалетом, душем, умывальником – и горячей водой из крана.

– Это кажется чрезмерной наградой за обучение нужным тебе вещам, – приподнял брови Маллик.

– И чем же тогда я должна это заслужить?

Мужчина ненадолго задумался, а затем произнес:

– Я назначу три испытания. Успешно их выполнишь – получишь желаемое.

– И что это за испытания?

– В лесу есть дерево, на котором растет единственное золотое яблоко. Сей плод ревниво стережет белая птица. Принеси мне его, не навредив охраннику, не помяв фрукт и не забираясь наверх.

– А остальные? – прищурилась Фэллон, чтобы скрыть блеск в глазах: похоже, ее ждало настоящее приключение.

– Заверши первое испытание, и я назначу второе. – Маллик завернул сыр в ткань и убрал его обратно в зачарованный сундук.

Девочка только фыркнула про себя: уж ей-то не составит труда найти золотое яблоко и перехитрить бестолковую птицу.

– А что находится на втором этаже? Там, где не должно быть никакого второго этажа?

– Мастерская и классная комната, – ответил Маллик, убирая хлеб. – Я покажу тебе жилище. После чего нужно будет подоить корову, собрать яйца и приступить к приготовлению ужина.

Фэллон не терпелось приступить к поискам яблока, но она решила хотя бы взглянуть на второй этаж, поэтому послушно проследовала за хозяином дома вверх по лестнице и едва сумела скрыть изумление, не желая потакать самолюбию высокомерного Маллика.

Одну из стен полностью закрывали полки со склянками. Каждая содержала аккуратную надпись. Девочка осторожно прошла в мастерскую, гадая про себя, что находится в бутылочках. Зелья? Ингредиенты для чар? Содержимое некоторых склянок испускало магический свет. Вдоль фасадной стены стоял стеллаж с книгами. Некоторые из них выглядели невероятно старыми. Напротив хранились различные инструменты и утварь: котелки, миски, колокольчики, свечи, кристаллы, ритуальные ножи, посохи, пестики для растирания трав.

Фэллон так и подмывало все потрогать, поэтому она решительно засунула руки в карманы.

В центре помещения стоял длинный стол с двумя стульями. С восточной стороны находился камин. По бокам от него высились два закрытых шкафа. Каминную полку украшали

свечи, а над ней висел меч с резной рукоятью.

Сквозь единственное окно, прорезанное в крыше, лился свет полуденного солнца.

– Здесь тебе предстоит учиться, тренироваться и практиковать магию. Становиться той, кем предназначено.

– Это не тот меч, который был у тебя раньше, – вместо ответа кивнула Фэллон на стену.

– Он предназначен не для меня.

– А для кого? Для меня? Это то оружие, про которое ты говорил маме? Меч и щит, что мне предстоит принять?

– Нет, но если ты докажешь, что достойна, сей клинок тоже послужит тебе.

– Я не умею обращаться с мечом.

– Научишься.

Фэллон нравилась эта идея, как нравилась и комната, битком набитая чудесными вещами. И мысль о поисках яблока. Но вещи она пока решила не разбирать. Она даст этому месту неделю. Неделя – это по-честному. Хотелось выполнить задание и с гордым видом отдать Маллику золотой плод. Хотелось научиться владеть мечом. Хотелось заниматься новой, незнакомой магией в комнате с окном в потолке.

«Неделя, – подумала Фэллон. – И потом приму окончательное решение».

Остаток дня и почти все время до вечера Маллик наполнил поручениями, так что возможности поразмышлять над решениями не оставалось. Он отправил подопечную в теплицу собрать зелень, приправы и овощи, необходимые для рагу. Собирая лук, чеснок, морковь, помидоры и срезая петрушку, Фэллон про себя одобрила ухоженные растения, хотя улучшения все же требовались. На кухне она достала из сундука мясо, вытащила сложенную под раковиной картошку.

Лана бы гордилась тем, как ловко дочь чистила, резала и смешивала. И хотя Маллик поначалу возражал против использования своего вина для рагу, Фэллон была непоколебима.

Когда она приступила к приготовлению яичной лапши – чего никогда раньше не делала сама, – Маллик велел записать, что требуется для улья.

– Соты построят пчелы. Нужно лишь соорудить для них ящик. – Она вытерла руки, взяла предложенные бумагу и карандаш. – Вряд ли в доме найдется все необходимое. Потребуется раздобыть пару вещей. Поблизости есть заброшенные здания?

– Просто напиши, что нужно. У меня свой способ получать вещи.

– Волшебный? – заинтересованно приподняла голову

Фэллон.

— Не совсем, — отозвался Маллик. — Когда закончишь, поднимись на второй этаж. Время для первого занятия.

* * *

Начали они с проверки базовых умений Фэллон — зажигания свечей, левитации небольших предметов, смешивания снадобий, накладывания простейших бытовых чар.

С того, что казалось ей детскими забавами.

Затем Маллик попросил ученицу рассказать о ритуалах, божественных сущностях, символах и ежегодных циклах праздников и лишь покачал головой, услышав ответы. Он вздохнул, набрал целую стопку книг и передал девочке с наказом проштудировать их.

Но она восстановила пошатнувшуюся уверенность в себе, когда дождь пошел точно в предсказанное время: задолго до наступления темноты. А рагу и яичная лапша оказались не просто съедобными, но вкусными.

Фэллон надеялась, что на следующий день Маллик начнет учить ее обращаться с мечом. А еще рассчитывала отправиться на поиски золотого яблока. Уж это-то занятие обещало быть поинтереснее приготовления еды и смешивания сонных зелий и бальзамов от ожогов.

Вечером девочка расположилась на кровати и читала при свете масляной лампы до тех пор, пока разум и тело не сда-

лись под натиском усталости и впечатлений.

С первыми лучами солнца Фэллон поднялась и без напоминаний отправилась в конюшню, чтобы накормить и напоить лошадей. Но когда вышла на крыльцо, то обнаружила за дверью сверток в упаковочной бумаге, перевязанный бечевкой. Девочка подняла его, внимательно огляделась по сторонам в поисках малейшего движения, после чего внесла загадочную посылку в дом, положила на стол и задумалась. Очевидно, сверток предназначенся Маллику. Но на упаковке нет его имени, верно? А Фэллон – полноправная жительница этого дома. По крайней мере, на неделю.

Успокоив таким образом свою совесть, девочка развязала бечевку и распаковала сверток.

Первой в глаза бросилась круглая головка сыра. Еще внутри оказались мешочки: покрупнее – с мукой, поменьше – с солью. И закрытая пробкой бутыл с темным напитком, видимо, вином.

Маллик вышел в общую комнату.

– Кто-то оставил все это на пороге, – сообщила Фэллон.

– А! Отлично, – просиял собеседник, заметив припасы. –

С признательностью принимаем подношение.

– Но кто его оставил? И почему?

– В здешнем лесу живем не только мы. Они тоже благодарны за защиту и преподносят скромные дары, чтобы показать это. Все знают, что Избранная явилась.

– А почему они не постучали?

– Значит, им ничего не требовалось от нас. Ты уже покормила лошадей?

– Нет, только собиралась, но...

– Позаботься об этом. Животные должны получить еду раньше, чем за трапезу примемся мы.

Время после завтрака Фэллон провела не за боем на мечах, а за чтением. Она, конечно, любила книги, но лес после дождя так и манил яркой листвой и солнечным светом. Как было бы замечательно учиться владеть оружием при такой прекрасной погоде!

И все же старые тома тоже оказались увлекательными. В них рассказывалось о богах, героических поступках, предательствах, сражениях, победах и даже о любовных историях.

Маллик упрекнул ученицу в скудном знании символов и ритуалов, а также в непонимании природы магии.

– Нам приходилось выживать и заниматься фермой, чтобы чем-то питаться, – огрызнулась в ответ Фэллон. – И помогать соседям. Мама научила меня всему, что знала сама.

– И проделала отличную работу, учитывая, что пришлось осваивать магию почти с нуля. Но ты обязана знать больше. Ты возьмешь то, чему научила тебя твоя мать, то, чему учу тебя я, и то, что дремлет внутри тебя самой, хотя ты пока об этом не знаешь. – Говоря, Маллик неслышно вышагивал по мастерской взад и вперед на мягких подошвах кожаных ботинок, но внезапно застыл на месте и наставил длинный палец на ученицу. – В этом заключается еще один урок, Фэл-

лон. Твоя сущность принадлежит тебе, и только тебе, и никогда не станет отражением других. Однако уважение к духу и свету, как и понимание тьмы, необходимо. Для того и созданы традиции, обряды, заклинания, символы. И подношения, конечно.

– Но... – начала было она, но осеклась под строгим взглядом наставника.

– Твоя магия появилась не из пустоты, дитя. Есть исток у света, у всех нас, у воздуха, которым мы дышим, у земли, по которой ходим. Жизнь – это дар даже для крошечной былинки. Негоже забывать об этом. Нужно чтить и сей дар, и дарителя.

– Когда мы ухаживаем за почвой и посевами, за домашними животными, друг за другом – разве не чтим таким образом и высшие силы?

– Да, так и есть. Но иногда требуется нечто большее, чем честная жизнь. Даже простой жест может служить символом. Если я протягиваю тебе руку, а ты принимаешь ее, это не только приветствие, но и знак доверия либо соглашения. Моя правая рука в твоей. Руки, которые могли бы держать оружие, сцеплены в едином жесте.

Фэллон невольно взглянула на длинные пальцы учителя, затем подняла глаза и возразила:

– Некоторые люди – левши.

– Верно, – кивнул Маллик и улыбнулся. – А есть и те, кто протягивает ладонь, но не чтит значения этого жеста, в ка-

кой бы руке они ни держали меч. Потому и следует учиться: чтобы понимать, кому верить. Это еще один урок.

Маллик подошел к одной из полок, выбрал кристалл, положил на стол перед подопечной и спросил:

– Что это за камень?

– Это... э-э... кровавик, – ответила Фэллон, с трудом вспомнив название и применение. – Используется в исцеляющих чарах.

– В мое время и даже раньше солдаты часто носили с собой подобные кристаллы, чтобы в битвах останавливать кровь при ранении.

– Если бы этого было достаточно, мертвых после сражений оставалось бы куда меньше.

– Твой прагматизм имеет основания, – согласился Маллик. – Требуется нечто большее, чем камень, даже могущественный, и вера в исцеление. Но если кровавик использовать при проведении обряда, для чар или изготовления снадобья, он может заживить рану. Хотя и тогда необходимы вера, знания и умения.

– Мама может лечить с помощью магии.

– Это настоящий талант. Им обладают немногие.

– Она... да, растирала кровавик в порошок и смешивала с медом и... яичными белками. А, и добавляла розмариновое масло.

– Отлично. Итак, камни могут быть полезными инструментами. Поэтому ты должна знать, как их находить, заря-

жать и использовать. Выбери предметы из тех, что найдешь здесь, и сделай амулет для спокойного сна, другой для очищения разума и третий – для умирения ревнивого сердца. Затем можешь быть свободна до заката. – Маллик уже направлялся к выходу, но остановился и обернулся. – Не покидай леса. Не забредай слишком далеко и возвращайся до темноты. Не позднее.

Фэллон некоторое время мерила шагами мастерскую. Задание Маллика было простым, из разряда базовых, но хотелось выполнить все идеально, чтобы в следующий раз получить более интересное и сложное. Хотя вместо кристаллов девочка предпочитала зачаровывать травы и набивать ими мешочки.

Она отворила дверцу одного из шкафов рядом с камином, обнаружила внутри отрезки ткани, ленты, тесьму, выбрала необходимые для работы предметы и перешла к другому шкафу.

Он оказался закрытым.

Испытав острый приступ любопытства, Фэллон уже занесла руку, чтобы сотворить несложное заклятие, отпирающее любой замок, но передумала. Мама воспитывала детей по-другому, она учила уважать чужие секреты. Возможно, Фэллон пожалела об этом сейчас, оказавшись перед заманчивой запертой дверью, но поступить иначе она просто не могла.

Маллик имел право на частную жизнь, как и она сама.

Так что Фэллон подошла к банкам с сушеными травами и

принялась их разглядывать в поисках нужных ингредиентов. Анис, ромашка, лаванда, кипрей. И камни: аквамарин, цитрин, лазурит, тигровый глаз. А также немного черного перца, масло бергамота и розмарина.

Затем она разложила все на три кучки, написала простые заклинания для каждого из заданных действий на отрезках белой ленты, продела шнур в иглу и соорудила из ткани мешочки с завязками. Наполнила каждый, по три раза произнеся слова с лент, положила их внутрь и туго затянула.

Результаты своего труда Фэллон отнесла вниз, но, не обнаружив Маллика, оставила на столе, после чего схватила куртку и вылетела за дверь, предвкушая почти целый свободный день. Теперь можно было приступить к поискам золотого яблока. Какое-то время девочка шла вдоль русла реки, но не в ту сторону, откуда они вчера явились, так как не заметила по пути плодовых деревьев.

Хотя Маллик ничего не говорил о яблонях. Не исключено, что в этом-то и заключался подвох.

Фэллон обшаривала взглядом ветки, но замечала только воробьев, соек, щеглов и кардиналов. Еще видела гнездо ястреба и дупло, подходящее для филина. Но ни следа белой птицы.

Свернув от реки, девочка углубилась в лес. Отыскала следы и помет оленей, медведя и опоссума. Потом рассмотрела взрытую диким кабаном землю и решила в следующий раз захватить на прогулку лук. И поехать на Грейс. Наверняка

лошади уже наскучило стоять без дела в конюшне.

Краем глаза Фэллон разглядела нескольких фей, но они разлетелись в стороны, как только она обернулась. Требовалось время, чтобы местные существа привыкли к новой обительнице лесного дома. Она снова сменила направление, следуя за крошечными огоньками, пока не забрела в глухую чащу. Свет здесь едва просачивался сквозь кроны, а толстый слой мха покрывал деревья, словно ковер, отчего солнечные лучи приобретали мягкий зеленоватый оттенок.

В этом рассеянном мерцании гладь раскинувшегося перед девочкой пруда обретала особенно глубокий, темно-синий цвет. На его поверхности нефритовыми островками выделялись листья кувшинок. На одном из них сидела толстая лягушка, не обращающая внимания на устроившихся совсем рядом стрекоз. Еще больше насекомых носилось над водой, трепеща полупрозрачными радужными крыльями.

Это место выглядело мирным и, по всей видимости, служило пристанищем для фей. Сам воздух тут был наполнен счастьем и покоем.

Фэллон уселась на берегу, поджав ноги и положив подбородок на сцепленные в замок руки, и принялась рассматривать водную гладь, прозрачностью напоминавшую стекло и позволявшую увидеть дно, усеянное цветной галькой, а также золотых и красных рыбок, которые едва шевелились, поводя плавниками.

– Здесь так красиво, – пробормотала Фэллон и дотрону-

лась до воды. – Теплая! Надеюсь, вы разрешите мне здесь искупаться.

Она решила, что в следующий раз обязательно принесет с собой подношение духам этого места. В отличие от реки, оно казалось таким защищенным, огражденным от посторонних. Пожалуй, плавать тут будет даже приятнее, чем принимать душ.

Удовлетворенная результатами первой самостоятельной вылазки в лес, Фэллон откинулась на спину, заложив руки за голову, довольно вздохнула и внезапно увидела золотое яблоко. Оно висело на высокой ветке под охраной белой птицы.

– Я нашла его! – воскликнула девочка, подскакивая на ноги.

Она представляла себе в качестве сторожа первого испытания голубку, но вместо этого обнаружила филина – самого крупного из всех, что ей доводилось видеть раньше. Он сидел рядом с яблоком и невозмутимо взирал на Фэллон круглыми темно-желтыми глазами.

Как и младший брат, она умела общаться с животными, птицами, насекомыми и даже рыбами. А потому решила сначала попробовать договориться полюбовно и улыбнулась пернатому стражу.

– Привет! Ты очень красивый, – мягко проворковала девочка. Филин смотрел на нее, не мигая. – Меня зовут Фэллон. Я живу в доме неподалеку отсюда. С Малликом. Знаешь

его?

Послышалось мелодичное хихиканье фей, но она решила пока не обращать на них внимания. Главным в общении с животными были не слова, а тон и мысленные образы.

Но как только Фэллон показала себя с яблоком в руке, филин расправил огромные крылья и скрыл ими плод.

Тогда девочка слегка надавила, используя силы. Ей запретили причинять вред птице, да она и сама никогда не навредила бы такому прекрасному существу. Она лишь осторожно толкнула его. Но вместо того чтобы улететь, филин нахохлился и уставился на Фэллон с явной неприязнью.

– Хорошо, хорошо, я поняла! – Девочка вскинула руки, демонстрируя, что сдается. – Мне просто хотелось получить ванную. Даже не представляешь, насколько сильно. Слушай, ты наверняка знаешь про Избранную. Так вот, это я. Может, сделаешь мне небольшое одолжение и отдашь яблоко?

Филин даже не пошевелился.

Следующие десять минут Фэллон пыталась, используя свои способности, заставить его улететь, но лишь заработала головную боль. И решила вернуться позднее, придумав новый план.

Пожав плечами, будто яблоко не представляло для нее ровно никакого интереса, девочка зашагала прочь, пробираясь сквозь тенистую чащу к залитому солнечными лучами перелеску. В следующий раз нужно будет принести дары для фей, чтобы те позволили искупаться в пруду, а еще приду-

мать, как отвлечь филина и достать яблоко.

Фэллон не рассказала Маллику, что обнаружила золотой плод, и провела второй вечер за книгами. Хотя немалую часть времени размышляла над стратегией дальнейших действий.

* * *

Полутру, как и накануне, на крыльце кто-то оставил сверток. Девочка открыла его и с восторгом увидела деревянные дощечки, сетки, краску и гвозди. Неизвестный даритель даже нашел рамки, необходимые для отделения матки от рабочих пчел.

Фэллон выпрямилась и взглядела в лес.

– Спасибо! – крикнула она. – Когда получим мед, можете приходить за своей долей.

Затем она направилась в конюшню, чтобы вычистить стойла и насыпать свежую солому. Наливая в поилку воду, хозяйка заверила Грейс, что сегодня они обязательно прокажутся.

* * *

При постройке улья в роли учителя выступала уже Фэллон. Ей очень понравилось наставлять в чем-то Маллика.

Это служило компенсацией за утренние занятия – ни одно из которых не включало тренировку с мечом – с не слишком щедрым на похвалы преподавателем.

Она взяла организацию ульев в свои руки, потому что Маллик, по ее мнению, ровным счетом ничего не смыслил в пчелах, ульях и производстве меда.

– Мы начинаем с нижней части, – пояснила Фэллон, когда все необходимые инструменты и припасы оказались в их распоряжении, – поэтому нужно приделать к днищу ножки, чтобы приподнять улей над землей. А еще потребуется прилетная доска, чтобы пчелы могли садиться.

Фэллон уже измерила и подготовила дощечки и теперь показывала Маллику, как правильно наносить клей. Витавшие вокруг запахи напомнили ей об отце.

– Дома у нас было три улья. Первый бабушка подарила деду на день рождения за год до пандемии. А два других я помогла построить папе. И еще один мы сделали по просьбе соседок с Фермы Сестер. На самом деле они не сестры. Но они ведьмы, очень славные. И хорошие подруги мамы, – рассказывала Фэллон, не прекращая работы. – Теперь, когда днище готово, нужно добавить отверстия для вентиляции и входа. Пчелы будут прилетать и улетать через нижнюю доску, так что нужно поставить заградитель, который не пропустит мышей и ос. Вредителей и грабителей.

Маллик подумал, что из девочки вышел хороший учитель: уверенно трудясь, она объясняла каждый шаг, при

необходимости поправляя ученика. Она поручила ему соорудить потолочную доску, состоящую из отдельных планок, чтобы обеспечить вентиляцию и отделить нижний корпус от верхнего.

– Я сейчас сделаю два магазина для меда. Их вполне хватит на то, чтобы прокормить пчел и оставить достаточно меда себе и на обмен. А потом мы установим решетку, чтобы держать матку отдельно.

– А зачем? – уточнил Маллик и задумчиво нахмурился. – Мне казалось, матка очень важна для жизни улья.

– Так и есть. Но мы же не хотим, чтобы она откладывала яйца в мед, так?

– Должен признаться, об этом я не подумал.

– Она больше, чем рабочие пчелы, так что не пролезет сквозь решетку, зато остальные пчелы всегда сумеют добраться до матки. Я собираюсь поставить в нижний магазин восемь рамок – именно там будут соты. А разделительную решетку поместим между нижним и медовыми магазинами.

– Отец научил тебя всему этому?

– Ага. Ему пришлось осваивать пчеловодство на практике. Он читал дедушкины книги, потому что сам мало что делал с ульями, пока его отец не умер, и не очень хорошо понимал, как все устроено. А когда папа освоился, то соорудил еще один улей. Он любит работать руками и расширил дом, смастерил мебель... – Фэллон замолкла и опустила голову, обратив все внимание на доски в руках.

– Скучать по семье – естественно, – мягко заметил Маллик.

– Если думать о них слишком часто, становится невыносимо.

Он сказал подопечной, что никогда никого не любил, но это не было правдой. Он души не чаял в матери. Пятнадцать сотен лет не сумели стереть воспоминания о том, как больно было покидать ее.

Маллик подумал, что его долг – учить Избранную, а не утешать ее, однако сочувствие и понимание, безусловно, служили тропинкой к установлению доверия, необходимого для занятий.

– Ты приносишь жертвы и осваиваешь новые знания именно ради них. Ради всего мира тоже, но в первую очередь – ради семьи, которая является неотъемлемой частью всего мира. Подумай, что сделали твои родители и твой родной отец в стремлении уберечь тебя. Они подарили тебе жизнь, основу. Братьев, семью. Эта причина выше простого долга противостоять тому, что грядет. Они многому научили тебя. Так что ты теперь можешь передать мне знания, как построить улей.

– Если... если я откажусь принимать предназначение, моя семья погибнет?

– Я не могу ответить. Я не знаю этого. Но ты не отказалась. Пока.

Фэллон бросила на него быстрый взгляд и вернулась к ра-

боте: схватила потолочную доску, удовлетворенно кивнула. После чего начала сооружать магазин для меда, велев Маллику мастерить второй, повторяя все ее действия.

– Теперь нам предстоит самая грязная часть работы. Чтобы помочь со строительством сот, мы должны покрыть пластик пчелиным воском. Для этого воск нужно растопить. Я принесу его и подержу над огнем.

– Или можешь считать это заданием на проверку способностей и применить магию, – хитро выгнул одну бровь Маллик.

Этот вариант понравился Фэллон даже больше.

Она поместила в котел два куска воска, преподнесенные неизвестным дарителем, под пристальным взглядом наставника вытянула над ними ладони и принялась водить вверх и вниз, словно оглаживая издали.

Маллик ощутил жар, медленно нараставший и равномерный, увидел яркий белый свет, исходивший от рук Фэллон.

Воск в котле начал плавиться.

– К каким силам ты воззвала?

– К свету, – тихо отозвалась девочка, не отводя замороженного взгляда от постепенно растекавшейся белой массы. – К теплу. Но не к огню.

– Откуда появляется магия? Какая часть тебя ее чувствует?

– Она словно проходит насквозь. Исходит отовсюду: от живота и... того, что ниже. От сердца и от головы.

– Как ты контролируешь силу?

– Я... – Фэллон задумчиво нахмурилась. – Просто мысленно прошу. Дать достаточно тепла, чтобы расплавить, но не сжечь и не вскипятить. И все. – Она посмотрела на Маллика и улыбнулась. – А вот теперь приступаем к самой грязной части работы.

Строительство улья заняло еще несколько часов. Потом они покрасили наружные доски в белый цвет. Пока Фэллон кружила возле сооружения, придирчиво разглядывая и изучая каждый элемент, Маллик отошел и с удивлением обнаружил, что испытывает глупую гордость от того, что сумел сделать что-то собственными руками, пусть и под руководством юной девочки.

– Отлично получилось, – наконец объявила Фэллон. – Прочный и надежный улей.

– Когда появятся пчелы, научишь меня с ними обращаться? – спросил Маллик. – Они сами прилетят на запах воска?

– Здоровый рой так ни за что не привлечь. Тем более с маткой. Нужно позвать пчел, пригласить их.

– Покажешь, как это делается?

– Вчера я заметила подходящий рой. Им здесь понравится. Ты когда-нибудь звал пчел?

– Нет. Этого дара я лишен. Покажешь? – повторил он.

Фэллон на секунду прикрыла глаза. Юная, долговязая, худощавая девочка с волосами цвета воронова крыла, заплетенными в косу, перекинутую через плечо.

– Я в воздухе и из воздуха. Я в свете и из света. Я на земле и из земли. Я у воды и из воды. Я – дитя магии, что объединяет все создания: ходящие, ползающие, летающие и плавающие. Мы все произошли из воздуха, света, земли и воды. Матка строит соты, пока другие работают, добывают мед, строят. Я смиренно предлагаю вам этот дом. Прилетайте и посмотрите на него. Прилетайте и живите в нем. Прилетайте и процветайте. – Она широко раскинула руки. – Прилетайте.

Маллик не слышал и не видел ничего, кроме девочки, застывшей неподвижно, как статуя, с разведенными в стороны руками. Лицо ее светилось.

Прошла минута, и другая, и третья. Он уже собирался позвать Фэллон и предложить ей попробовать пригласить пчел в следующий раз, но тут услышал тихий гул.

Воздух наполнился низким, басовитым жужжанием. Из леса, точно грозовое облако, вылетел рой.

Первым стремлением Маллика было броситься к неподвижной подопечной, оттащить ее в дом, в безопасность. Но прежде чем он успел пошевелиться, Фэллон открыла глаза. И вспыхнула, излучая свет.

Большая пчела, похоже, матка, зависла над правой ладонью девочки. Рой окружил ее, наполняя воздух неистовым жужжанием.

Фэллон же рассмеялась, словно ее тело, волосы, руки и плечи облепили безобидные бабочки.

Маллик задумался, понимает ли она сама, какой мощью

обладает. Кем может стать, если он не подведет и сумеет всему ее научить. Пока же она, несмотря на огромную силу, была всего лишь ребенком, совсем юным и до боли невинным.

В кого же она превратится, когда повзрослеет и утратит эту непорочность? Когда способности ее получат огранку?

– Добро пожаловать, – прервав размышления наставника, произнесла Фэллон.

Она наконец пошевелилась и повела рукой, указывая в сторону улья. Словно по команде, рой влетел внутрь.

– Откуда они... – голос Маллика оборвался. Он откашлялся и попытался снова: – Откуда они узнали, как им попасть в улей?

– Я им сказала, – с недоуменной полуулыбкой ответила Фэллон.

– Что ж, тогда хорошо. Отличная работа. Я уберу инструменты и все остальное. Ты свободна до конца дня. Возвращайся до заката.

– Я хочу взять Грейс и дать ей размяться.

– Только не уезжай далеко, – сказал Маллик.

Когда Фэллон убежала, такая юная и невинная, он еще долго стоял на поляне и прислушивался к жужжанию пчел, ощущая себя дряхлым стариком.

Обучение

Обучение – это не детская игра; мы не можем учиться без боли.

Аристотель

Глава 6

В течение следующих трех дней Фэллон проводила почти все свободное время в землях фей. Она не раз пробовала воздействовать на филина магией, но безуспешно. Пыталась подкупить его, запугать и даже использовала любимый прием матери – *реверсивную психологию*, притворяясь, что совершенно не хочет получить яблоко.

Белоснежная птица непоколебимо охраняла золотой плод, который дразнил и манил с высокой ветки.

Единственной победой Фэллон стала возможность плавать в пруду, так что теперь она, по крайней мере, чувствовала себя чистой. Крошечные феи привыкли к гостю и прилетали, пока та купалась. Они танцевали в воздухе или парили над водной гладью.

Но Фэллон так и не смогла уговорить никого из них достать яблоко.

Когда первая неделя пребывания на новом месте подошла

к концу, Фэллон уже привычно сидела на берегу, ждала, пока высохнут волосы, и наблюдала за упрямым филином. Тот, в свою очередь, тоже не сводил с нее подозрительного взгляда.

На дерево по условиям испытания забраться было нельзя, но что, если просто подняться в воздух? Последние несколько дней Фэллон без ведома наставника неустанно практиковалась в левитации и уже могла, хоть и не слишком уверенно, парить в паре футов над землей. Однако яблоко висело слишком высоко. Да и об острых когтях и клюве бдительно-го стража не стоило забывать.

Значит, придется набраться терпения и тренироваться до тех пор, пока она не сможет взлетать высоко и быстро.

Фэллон хотела во что бы то ни стало перехитрить филина, уже не только из-за трофея, но и из принципа.

– Одна неделя прошла, осталось еще сто три, – задумчиво произнесла она, заплетая косу.

Пока вещи лежали нераспакованными, можно было в любой момент передумать и уже через два дня оказаться дома.

Занятия и практика нравились Фэллон даже больше, чем она ожидала. Некоторые казались особенно интересными, несмотря на сокращение свободного времени. Например, физические упражнения. Пока без меча.

И хотя она не понимала, каким образом поможет спасти мир умение балансировать на одной руке или жонглировать огненными шарами, Фэллон нравилось осваивать новые навыки. Она также с удовольствием узнавала о тех, кого Мал-

лик называл ее прародителями. И усердно учила полезные заклинания.

Уроки отнимали огромное количество времени, потому что одно и то же приходилось делать снова и снова. Мысль о том, что следующие сто три недели придется провести, вновь и вновь повторяя уже освоенные приемы, вызывала у девочки приступ раздражения. Она не представляла, как сумеет провести два года в компании одного только Маллика.

Пожалуй, можно попробовать держать равновесие над водой. Это не сделает занятие интереснее, но хотя бы внесет разнообразие. А если усложнить задачу и балансировать на поверхности пруда, работая одновременно с двумя стихиями, то это впечатлит даже такого сурового наставника, как Маллик.

Фэллон решила, что продолжит практиковаться в левитации и стоянии на одной руке здесь, в землях фей. А когда отработает навыки, то использует их как аргумент, чтобы приступить к тренировкам на мечах.

Стоило подумать об этом раньше, потому что сейчас свободное время уже подходило к концу.

– Завтра, – пробормотала Фэллон.

Она ничего не слышала и не ощущала, пока не стало слишком поздно. Вернее, едва не стало. Ей все же удалось вовремя обернуться и заметить, как из ствола дерева наполовину показался мальчишка с натянутым луком. Уже вскидывая руку в защитном жесте, Фэллон поняла, что незнако-

мец целится не в нее, а в филина.

Не раздумывая, она взмыла в воздух. Ярость и страх за птицу придали девочке сил. Она взмахнула рукой, отбивая стрелу. Острый наконечник задел кожу, но траекторию снаряда удалось изменить, и он вонзился в соседнее дерево. Боль и удивление от удачной левитации нарушили концентрацию Фэллон, поэтому она приземлилась гораздо тяжелее, чем планировала. Из легких выбило весь воздух.

– Ты с ума сошла? – завопил мальчишка с взъерошенными волосами бронзового оттенка и дикими глазами цвета весенней листвы, одним прыжком оказываясь рядом. – Я мог убить тебя.

– Зачем ты выстрелил в филина? Никто не ест их мясо.

– У тебя идет кровь. Дай осмотрю рану.

– Пустяки, – отмахнулась Фэллон, хотя царапина на ладони жгла огнем. – Нельзя использовать лук в этом месте. И тем более стрелять в филина.

– Я живу здесь. – Мальчишка отбросил непослушные вихры со лба и слегка повернулся, позволяя разглядеть тонкую косичку, спадающую с виска на правое ухо. – Ну, типа того. И стрелял я вовсе не в филина.

– Ну да, конечно, – недоверчиво фыркнула Фэллон.

– Это правда! Таише³ – бог здешней заводи. Я ни за что не стал бы вредить ему. Я целился в яблоко. Ты же хотела его получить?

---

³ Таише (ирл. Taibhse) – дух, призрак.

– Тебе-то что за дело?

– Может, хотел помочь! Ты бы уже держала яблоко в руках, если бы не помешала. А я бы провел самого Таише! – похвастался собеседник, а потом обратил внимание на рану Фэллон: – Глубокий порез. У Маллика наверняка найдется заживляющее снадобье. Он великий чародей. А ты его ученица.

– Я и сама могу о себе позаботиться.

– Как скажешь, – усмехнулся мальчишка. Затем оторвал подол рубахи и протянул Фэллон: – Хотя бы перевяжи.

Она с раздражением обернула ткань вокруг раненой ладони, плотно прижала руки друг к другу, а когда развела их, то сняла самодельный бинт и швырнула его непрошеному помощнику.

Рана затянулась и начала заживать.

– Даже если ты на самом деле целился в яблоко, ты мог промахнуться и попасть в филина.

– Я не промахиваюсь. – Незнакомец оскорбленно вскинул подбородок.

– Ты *промахнулся*.

– Это все из-за тебя. – Он пожал плечами. – Говорят, ты Избранная, великий воин, могущественная колдунья, спасительница мира. А как по мне, так ты всего-навсего обычная девчонка.

Собеседник казался ненамного старше самой Фэллон. Не больше, чем на год или два. Выше, да, но почти ровесник.

Она с возмущением подумала, что кому-то своего возраста не может спустить высокомерного обращения «*девчонка*».

– Если бы я была обычной девчонкой, то твоя стрела не торчала бы из вон того ствола.

Задетое самолюбие заставило Фэллон взмахнуть рукой, магией выдернуть стрелу и уронить ее к основанию дерева, на котором сидел филин. Изначальный план заключался в возвращении ее владельцу, но и так вышло неплохо.

– Довольно прилично, – присвистнул собеседник и отправился за стрелой. Сверху на него неодобрительно косилась белая птица. – Слушай, я всего лишь хотел сделать тебе одолжение. Ты пытаешься достать это яблоко уже несколько дней. – Мальчишка вытер обрывком ткани кровь с кончикника и бросил стрелу обратно в колчан.

– Не твое дело... Погоди, а откуда ты об этом знаешь? – спросила Фэллон, чувствуя подступающий ужас, немедленный и глубоко девичий. – Ты за мной шпионил?

– Я бы не назвал это так. – Мальчишка слегка смутился, кончики его ушей порозовели. – Просто видел, как ты явилась сюда. Посторонним запрещено приходить к священному пруду, да они и не могут его найти, поэтому мне просто стало интересно, кто ты такая и что задумала.

– Ты... ты... – Она замялась в поисках подходящего слова, но потом вспомнила фразу из фильма: – Ты подглядывающий Том⁴, вот кто!

---

⁴ Подглядывающий Том (англ. Peeping Tom) – английское идиоматическое вы-

- Мое имя Мик, – недоуменно сообщил мальчишка. – Моего отца зовут Томас, а других Томов я не знаю.
- Это такое образное выражение.
- И что оно означает?
- Тот, кто шпионит исподтишка.
- Я же не виноват, что ты решила искупаться без одежды. Да и тощая ты, на мой вкус. А я просто хотел оказать тебе услугу. В благодарность за сладкие булочки.
- Так это ты оставляешь вещи на крыльце? – поинтересовалась Фэллон, сощурившись.
- Мы это делаем по очереди. В качестве подношения. Возмещения не требуется. Однако с твоей стороны было щедрым жестом испечь в ответ булочки. Отец учит, что нужно платить добром за добро, и тогда его становится все больше.
- Уверена, что твои родители не похвалили бы сына, если бы узнали, что он шпионит за посторонними. – Фэллон направилась к лошади и запрыгнула в седло. – Никогда так больше не делай. Я обязательно почувствую. И не стреляй больше ни в яблоко, ни в филина. Это неправильно. Нечестный способ пройти испытание. – Она посмотрела на собеседника настолько величественно, насколько сумела, зная, что он видел ее без одежды. – Мы ценим ваши подношения, поэтому поблагодари своего отца и остальных. Теперь ступай

ражение, обозначающее человека с нездоровым любопытством, тайно подглядывающего за интимными действиями других людей. Восходит к легенде о леди Годиве.

и шпионь за кем-нибудь другим.

С этими словами Фэллон пустила Грейс шагом.

– Ты вернешься завтра? – выкрикнул вслед Мик.

Оставалось только вздохнуть, удивляясь мужской логике.

И уж точно не отвечать.

Когда наездница уже приблизилась к краю поляны, то услышала шелест крыльев, натянула поводья и взглянула вверх. К изумлению девочки, над ее головой пролетел Таише, который держал в клюве яблоко.

Какой-то внутренний голос – Маллик наверняка объявил бы его знанием предков, текущим по венам, – подсказал Фэллон поднять локоть. Филин скользнул вниз и сел на ее руку, будто на одну из ветвей.

Он оказался довольно тяжелым, но очень осторожным и даже не вонзил в ее руку когти, чтобы удержаться. Его желтые глаза приковали ее взгляд, и Фэллон ощутила возникшую связь.

На крыльцо вышел Маллик, остановился и с непроницаемым видом проследил, как ученица приближается к нему, одной рукой сжимая поводья, а на другой держа огромного белого филина.

Не этот ли образ являлся ему во снах? Бог-призрак, охотник и защитник лесов, отныне будет служить ей. Окажется привязан к ней, как и сам Маллик.

– Я нашла яблоко. И не причинила вреда филину. Его зовут Таише.

– Да, я знаю.

– На дерево я тоже не забиралась. Я не хочу отбирать у него яблоко. Это было бы воровством. Он может оставить плод себе. Я очень хочу ванную, Маллик, но я не собираюсь воровать ради нее.

– Ты прошла первое испытание. Яблоко служило еще одним символом, Фэллон. Многих ослепил бы блеск золота. И они бы не заметили настоящей награды. Ты сумела завоевать преданность Таише, охотника, защитника, мудрого духа. Теперь он принадлежит тебе, как и ты принадлежишь ему.

– Я... я могу его оставить?

– Дитя, это не домашний питомец. Им нельзя владеть. Можно только установить с ним связь. А теперь подними локоть и отпусти филина. Он не улетит далеко.

Когда Фэллон последовала указанию наставника, Таише плавно скользнул вверх и опустился на ветку одного из деревьев. Затем разжал клюв, и золотое яблоко повисло рядом, словно всегда росло на этом месте.

– Невероятная птица. Прекрасная и смелая, – с восхищением прошептала Фэллон и повернулась к Маллику: – Теперь ты скажешь, каким будет второе испытание?

– Обсудим за ужином, – пообещал он. – Пока же почисти и напои лошадь.

– Тебе неинтересно, как мне удалось добыть яблоко?

– Интересно. Послушаю за ужином.

* * *

Тем вечером Фэллон распаковала вещи и закрепила музыкальную подвеску Колина на окне, а на тумбочку поставила банку с подаренным Итаном цветком, положила книгу родного отца и пристроила фотографию семьи Свифт.

Снаружи, в темноте, за танцующими огоньками фей промелькнула белая молния: филин отправился на охоту.

Фэллон подумала, что завтра она тоже отправится на охоту. После завершения занятий и дел по хозяйству они с Грейс поскачут по лесу в поисках белого волка с золотым ошейником – второго испытания.

* * *

Пока Фэллон спала, другие тянули к ней пальцы сквозь мрак, пытались пробраться в сновидения. Она была добычей, была ею с самого рождения и даже раньше.

Девочка металась в забытьи. Страх побуждал ее бежать прочь от расплывчатых образов, от неразличимых голосов. Спасаться, прятаться, выживать.

Неясные очертания врагов меняли форму. Они то кружили стаями ворон, вестниц смерти, то мелькали вспышками черно-красных молний, заревом пожаров. То обраща-

лись кругом камней, затянутым туманом. Вдруг посреди всего этого появился мужчина. Он стоял и смотрел на выжженную землю среди причудливого танца серых ключев.

Рукоять его меча блеснула в лучах луны, и он отвел взгляд от камней. Сквозь пелену сновидений прорвалось темно-зеленое свечение.

Первая из семи завес уничтожена темной магией с помощью предательства. Здесь пролилась кровь сына богов, здесь кровь нашей крови была отравлена, отсюда распространилась болезнь.

Теперь же, Фэллон Свифт, я жду. Мы ждем. Оно ждет.

Когда он вскинул клинок, с острия сорвалась молния, а лезвие окуталось вспышкой белого пламени.

Примешь ли ты щит и меч, предназначенные Избранной? Исполнишь ли пророчество? Станешь спасительницей мира? Явишь себя?

С этими словами мужчина вонзил оружие в землю, и туман превратился в языки огня. В кругу камней что-то забурило, вскипело.

Выбирай.

* * *

Пока Фэллон ворочалась во сне, а другие охотились за ней, группа людей в предместьях Вирджинии готовилась устроить кровавое жертвоприношение.

В небольшом поселении, где до Приговора обитали зажиточные горожане, формирование Праведных воинов обустроило оперативную базу. Там разместились около сотни мужчин, женщин и детей. Некоторые из них были пленниками и содержались под надзором, остальные же заняли роскошные виллы. Каждую неделю на центральной площади проходили публичные казни.

Костяк формирования составляли истинно верующие – те, кто следовал учению Иеремии Уайта, основателя культа и самопровозглашенного главнокомандующего. Согласно его проповедям все Уникумы, магические существа или просто сочувствующие им являлись посланниками ада, поэтому их следовало уничтожить.

Многие присоединились к Праведным воинам и носили символ культа, потому что наслаждались свободой насиловать, пытать и убивать, а религиозное рвение, вскормленное кровью и фанатизмом, предоставляло им такую возможность.

Сам Уайт прибыл на базу, провел два дня в одном из особняков, прочел воодушевляющую проповедь про божественное возмездие и возглавил церемонию повешения трех пленников. Первым был эльф, которому едва исполнилось двадцать лет, раненный в сражении под Вашингтоном. К нему жалась пожилая целительница, лечившая всех – даже тех, кто объявил ее демонским отродьем. За ними стоял простой мужчина. Его обвинили в колдовстве лишь за то, что он пы-

тался защитить десятилетнего мальчика, которого избивали несколько взрослых.

Перед казнью заключенных пытали. Уайт назвал крики проклятых исчадий ада музыкой для праведников, и его последователи одобрительно загудели. Толпа бурлила, ее, словно смертоносное море, захлестнула волна черной ненависти.

Самопровозглашенный пророк путешествовал в сопровождении целой свиты охранников, советников, лизоблюдов и солдат. Говорили, хотя только шепотом или после нескольких стаканов спиртного, что среди прихлебателей преподобного были и Темные Уникумы.

Однако Уайт обеспечивал последователям бесперебойные поставки продуктов, рабов, воодушевляющих речей и обещаний вечной жизни, когда демоны будут устранены, поэтому большинство держали рот на замке.

Воскресенья начинались с вознесения молитв. Преподобный Чарльз Букер, бывший аферист, ранее выманивавший у стариков деньги под предлогом ремонта домов и установки систем безопасности, теперь возглавлял паству. Он цитировал Ветхий Завет, взывая к кровожадному богу. После службы следовало обращение к верующим от Курта Роува. Уайт назначил его начальником базы в награду за помощь при резне в Нью-Хоуп, и тот правил железной рукой. А по воскресеньям давал себе волю и объявлял изменения в законах, зачастую ничем не обоснованные, зачитывал отрывки из учений преподобного Уайта или доклады с других баз, а

также списки погибших и захваченных после сражений. Последние новости часто встречали горячее одобрение у прихожан, жаждавших крови неверующих.

В этот раз Роув закончил обращение перечислением имен приговоренных к казни. Ее посещение было обязательным, как и присутствие на проповеди. Освобождались только те, кто нес дежурство в охране периметра, и больные, которым выдал справку местный доктор, чью лицензию отозвали еще до Приговора.

Остальным не явившимся грозило суточное заключение в наскоро построенном складе. Он примыкал к стоящему отдельно гаражу, служившему тюрьмой.

После назначения Роува начальником базы казни стали проводиться ровно в полночь. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Выбранный с помощью лотереи «эскорт» отводил пленников из гаража к площади и заставлял подняться на помост. На обритых головах каждого узника отчетливо выделялись кровоподтеки, синяки и пентаграмма, нанесенная на лоб. Символ был личным дополнением Роува к указаниям Уайта. На босых приговоренных мешками висели роботы, сшитые из грубой ткани руками рабов.

Если у заключенного были крылья, их безжалостно обрезают. Ведьм содержали в том же виде, в каком привозили после захвата – связанными, с мешками на головах и кляпами во рту, чтобы исключить риск сглаза или наложения проклятия.

В эту воскресную ночь, когда тени и бесформенные образы пытались проникнуть в сны Фэллон, над виселицей и собравшейся толпой кружили вороны. Двое из шестерых приговоренных, спотыкаясь, побрели на помост, едва не падая на руки сопровождавшим их охранникам.

Изнасилованная и избитая до полусмерти ведьма с переломанными пальцами отчаянно старалась удержаться на ногах. Ведь иначе боль могла сломить остаток мужества. Смерть уже казалась несчастной желанным избавлением.

Рядом с ней, из последних сил пытаясь выглядеть смелым, вскинул голову двенадцатилетний оборотень. Он увел преследователей от своей небольшой стаи, спасая братишку и остальных, и теперь напоминал себе, что должен умереть как настоящий герой. Нельзя было показывать страх врагам.

Мальчик без труда игнорировал насмешки охранников и толпы. Не обращать внимания на грустные, лишённые надежды взгляды рабов оказалось сложнее. Но он справился, так как не желал разрыдаться на глазах улюлюкавших зевак.

Он не хотел умирать. Но и унижаться, моля о пощаде, не собирался.

Кто-то бросил в оборотня камень. По щеке потекла кровь, а вспышка боли заставила животные инстинкты обостриться, ища выхода. Пришлось одернуть пуму, желавшую вырваться наружу. Нельзя показывать этому сборищу фанатиков свою истинную натуру.

Один из стражников выкрикнул:

– Бросать камни запрещено! Прекратить, если не хотите посидеть в тюрьме часок-другой. – Затем он толкнул приговоренного мальчишку в спину: – Пошевеливайся, демоново отродье!

Вторая натура оборотня хотела оскалиться и зарычать. Мощные передние лапы пумы, связанные за спиной, уже приготовились разорвать путы.

Перед глазами пленника возникла виселица с двумя петлями. Перестав по-детски отрицать действительность, он ощутил холодное осознание: эта толпа убьет его здесь и сейчас, восторженно следя, как он задыхается. Так стоит ли бороться со своей второй натурой? Не лучше ли умереть в сражении и попытаться забрать с собой хоть парочку врагов? Погибнуть, но не сдаться?

Мальчик глубоко вдохнул ночной воздух и отпустил на волю большую кошку, приветствуя изменения в самый последний раз, позволил пуме растянуть кости, мышцы, кожу.

В этот момент в воздухе просвистела стрела, вылетевшая из темноты. Охранник, ранее толкнувший приговоренного, со сдавленным стоном повалился на землю. Приветственные возгласы толпы превратились в крики ужаса, когда все новые и новые стрелы стали находить цели. Собравшиеся на площади люди начали разбегаться в разные стороны.

Пользуясь всеобщей паникой, оборотень избавился от пут и опустился на четыре лапы. Глаза ощерившейся пумы хищно вспыхнули, и она прыгнула на ближайшего охранника. На

помосте какой-то парнишка освободил от мешка и кляпа полумертвую ведьму Джен и подхватил ее, когда та пошатнулась.

Оборотень понесся к тюрьме, где провел последние дни, с одной целью: заставить поплатиться того, кто держал его в плену и пытал. Отовсюду слышались выстрелы, крики перепуганной толпы. В воздухе витал запах крови и страха.

Когда пума добралась до места заточения, жертва уже без сознания лежала на земле. Над тюремщиком стояла девушка. Она обернулась, встретилась глазами с горящим взглядом оборотня и плавным движением встала между ним и тем, в кого он так желал вонзить клыки, разрывая горло.

– Он обезврежен и безоружен. Ты, конечно, можешь обойти меня и убить этого человека, но тогда изменишься навсегда. Твой брат в безопасности, Гаррет. Мы освободили Маршалла и остальных узников.

– Маршалла? – переспросил оборотень, снова становясь мальчиком. – И остальных?

– Да, все восемь пленников в безопасности. Девять, если считать тебя. Теперь нужно вывезти всех отсюда. Джонас! – позвала девушка, поворачиваясь к гаражу. – Я нашла мальчика. Оборотня.

– Отведи его к месту встречи. Внутри еще четверо пленников. Нужен транспорт.

– Принято. Вы должны... – Она осеклась, когда Гаррет прыгнул мимо нее и рассек когтями, появившимися из паль-

цев, правую руку бессознательного тюремщика.

– Они избивали нас, жгли, калечили. Заклеймили. И еще хуже... Он изнасиловал меня. – Мальчик судорожно вздохнул. – Теперь я тоже его заклеил.

– Понятно. – Девушка положила ладонь на плечо Гаррета и потянула его за собой. – Нужно убираться и вывезти как можно больше пленников. Ты в состоянии бежать? Место встречи находится меньше, чем в четверти мили отсюда.

– Я добегу.

Собеседница тут же сорвалась с места, и оборотню пришлось доказывать свои слова на деле.

Темные кудрявые волосы девушки, связанные лентой, неуправляемым каскадом били по спине. Глаза, кажется, были голубыми, но в неверном свете луны, которая то и дело скрывалась за облаками, убедиться в этом Гаррет не мог. Он едва поспевал за спутницей. Та не снижала темпа, в то же время внимательно поглядывая по сторонам. На поясе у нее висел короткий меч, через плечо были переброшены лук и колчан.

– Это ты выпустила стрелу?

– Которую?

– Ту самую. Первую.

– Нет, это был мой брат. Он выиграл жеребьевку. Кстати, меня зовут Тоня, – представилась девушка, широко улыбаясь. Она вскинула руку и вывела пальцем в воздухе три светящихся круга. Чуть поодаль Гаррет заметил ответный сиг-

нал и рассмотрел двоих мужчин с винтовками возле грузовика. – Я нашла брата Маршалла, Гаррета!

– Маршалл будет счастлив. Ты ранен, сынок?

Мужчина выглядел очень, очень старым, но по тому, как он держал винтовку, было понятно, что он умеет с ней обращаться.

– Я в порядке.

– Меня зовут Билл, а это Эдди.

– Чо как, чувак? – махнул рукой второй мужчина. – Запрыгивай в грузовик, составишь компанию Джо.

– Кому?

– Да старичку моему! – С этими словами Эдди откинул борт кузова. Наружу выглянула большая собака и дружелюбно замахала хвостом. Движения ее казались слегка скованными и замедленными. – Джо – самый прекрасный в мире пес.

– Я должна вернуться на базу, – сообщила Тоня.

– Лады, за пареньком присмотрим, – кивнул Эдди и тут же добавил: – Только, это, будь осторожна. Если мы не привезем тебя живой-здоровой, твоя мама с меня шкуру спустит.

– Постараемся этого избежать, – улыбнулась девушка и растворилась в темноте.

– Давай, типа, помогу залезть в кузов, приятель.

– Спасибо, я и сам справлюсь, – буркнул Гаррет, забираясь внутрь и опускаясь на скамью.

Он крепился до последнего, но когда собака села рядом,

наконец сдался, обхватил ее за шею руками, уткнулся лицом в теплый мех и разрыдался, ненадолго вновь став маленьким мальчиком.

Вскоре послышался отдаленный звук взрывов, а в ночном небе вспыхнула зарница от пожаров, заставив Гаррета вздрогнуть и выглянуть из грузовика.

– Что это было?

– Да не парься, – небрежно махнул рукой Эдди, уступая место Биллу, который подошел и укутал освобожденного оборотня в одеяло. – Это, типа, диверсия такая. Не хочешь, чтобы уроды гнались за тобой, как свора питбулей? Укради часть их машин, а остальные – тыдыщ! Ты там, это, подвинься чутка, а то скоро новые пассажиры подтянутся, лады?

Некоторые пленники пришли сами, как Гаррет. Других принесли. Еще один грузовик притормозил рядом. Водитель махнул рукой, давая знак следовать за ним.

Кузов начали заполнять бывшие рабы с базы. Билл и Эдди помогали им забраться внутрь. В основном это были дети и женщины. Нескольких Гаррет узнал. Когда узников решали покормить, рабы приносили помои, которые здесь называли едой.

Самый младший из новоприбывших скорчился рядом с оборотнем, дрожа от холода. Сколько ему лет? Три? Четыре?

– Иди ко мне, – позвал его Гаррет. – Моего одеяла хватит на двоих. Пса зовут Джо.

Он выглянул наружу, услышав рев приближавшихся дви-

гателей, и увидел Тоню на мотоцикле, позади черноволосого парня. Они казались похожими, только волосы водителя не вились, а падали на плечи прямыми прядями.

Тот самый юноша, который помог Джен.

Он резко развернул мотоцикл, затормозив рядом с грузовиком.

– Мы вывели всех, кого смогли. Некоторые просто разбежались, так что нам не удалось их собрать. Праведные воины будут заняты тушением пожаров и вряд ли сразу отправятся в погоню. Может, и у остальных получится спастись.

– Джонас велел выдвигаться, – прокричал в ответ Эдди и запрыгнул в кабину на место водителя.

– Мы поедем впереди. А Флинн и Стар прикроют с фланга.

Юноша завел мотор и умчался в темноту. Черные волосы развевались на ветру.

Эдди открыл окошко между кабиной и кузовом, привлекая внимание пассажиров и одновременно выруливая вслед за вторым грузовиком.

– Эй, привет! – Он повысил голос, перекрикивая рев двигателя. – Сегодня я буду вашим водителем. Меня зовут Эдди. Устраивайтесь поудобнее, потому как нас ждет та еще поездочка. В кузове есть одеяла и вода. Будьте паиньками и поделите их по совести, лады?

– Кто был тот парень на мотоцикле? – спросил Гаррет, придвигаясь ближе к внутреннему окну.

– Дункан. Они с Тоней близнецы. Он наш главный заводила. Попей водички и постарайся вздремнуть, приятель. Путь предстоит неблизкий. Но как доберемся, покормим и вылечим всех.

– И там меня будет ждать Маршалл? И остальные из стаи?

– Точняк! – Эдди повернулся, просунул руку во внутреннее окошко и ободряюще сжал плечо Гаррета. – Тебя все уже заждались, можешь поверить. А сейчас отдыхай.

– А куда мы едем? – спросил Гаррет, моргая часто-часто, чтобы отогнать подступавшие слезы. – Где находится это «там»?

– Мы едем в Нью-Хоуп, парень.

Глава 7

Фэллон искажила простейшее заклинание – причем дважды – и едва не добавила в снадобье ядовитую белладонну вместо бергамота. Но Маллик успел предотвратить катастрофу.

– Ты желаешь отравить неизвестного мне врага?

– Что? – Девочка недоуменно нахмурилась и посмотрела на наставника. – Нет. – Затем она перевела взгляд на склянку с белладонной и быстро отставила ее. – Ой. – Спустя мгновение, показавшееся Маллику чересчур долгим, Фэллон все же нашла бергамот. – Подумаешь, ошиблась.

Стоило упрекнуть ученицу. Не только за небрежность, но и за попытку уклониться от ответственности. Оба проступка были неприемлемыми, но последнее также демонстрировало слабость.

– Подобная ошибка может стоить кому-то жизни. Как и неверное заклинание способно вызвать далекоидущие катастрофические последствия. Твои слова и действия, а также их точность имеют огромное значение.

– Возможно, если бы ты не ждал от меня *абсолютной* памяти и не стоял над душой, я бы не совершила этой ошибки, – проворчала Фэллон.

– Не исключая, что я действительно ошибся, сочтя твои знания в области свойств и способов использования расте-

ний, масел и порошков достаточными. Хорошо, тогда займи свое место и начнем с самого начала.

– Я прекрасно знаю все эти дурацкие свойства, понятно? – Голос ученицы слегка дрожал, отчего комментарий утратил большую часть язвительности. – Просто взяла не ту бутылочку. Кроме того, такие опасные ингредиенты, как белладонна и наперстянка, должны стоять отдельно, а не вместе с безобидными травами, пусть и в алфавитном порядке.

– Справедливое замечание, – кивнул Маллик. – Вот и займись реорганизацией полок.

– Да тут сотни склянок! Это же займет половину дня.

– Тогда следует приступить как можно скорее. Это задание поможет успокоиться и собраться с мыслями.

– Я не хочу весь день провести в этой душной тесной комнате, выполняя работу, которую ты сам должен был сделать давным-давно. Я хочу на свежий воздух. И вообще, плохо себя чувствую.

Маллик подумал, что ученица явно говорит искренне. Застывшая в ее глазах печаль и блеск близких слез сильно его беспокоили. Почему именно он, мужчина, никогда не имевший дела с детьми, тем более женского пола, стал наставником девочки?

Ведь она, несмотря всю ее силу, все еще была ребенком.

Ребенком женского пола. И об этом не следовало забывать.

– У тебя... хм... уже начались менструации? – неловко

откашлявшись, спросил Маллик.

– Что? – Сначала Фэллон не поняла причин подобного интереса, но уже спустя мгновение печаль в ее глазах сменилась отвращением, а затем презрением. – Боже! – Она крутанулась на месте, непроизвольно зажигая свечи в комнате, и нетерпеливо дернула себя за волосы. – Мама была права! Как только женщина расстраивается или начинает злиться, мужчины тут же считают, что во всем виноваты месячные. Некоторые даже тупы настолько, что говорят об этом вслух!

– Я... не понимаю.

– Пока мужчины не начнут каждый месяц истекать кровью и мучиться от ужасной боли, им лучше помалкивать о своих умозаключениях.

– Договорились.

– Я просто устала. – Фэллон опустила руки, снова их подняла и потерла глаза. – Очень устала. Не могу как следует выспаться.

– Ты изготовила прекрасный оберег, который отгоняет дурные сны. Используй его. А я помогу переставить на полках ингредиенты, потому что замечание насчет отдельного хранения опасных веществ было правильным. После этого мы вместе сделаем сонное зелье. Свежее, специально для тебя. И потом можешь прокатиться на лошади, подышать свежим воздухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.